

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Назначение, цели и основания избрания меры пресечения.	8
1.1. Назначение и цели избрания меры пресечения.	8
1.2. Основания избрания меры пресечения.....	30
Глава II. Избрание в качестве меры пресечения подписки о невыезде.....	48
2.1. Основания для избрания подписки о невыезде.....	48
2.2. Схема доказывания при избрании подписки о невыезде.....	62
Глава III. Избрание в качестве меры пресечения личного поручительства....	71
3.1. Основания избрания личного поручительства.....	71
3.2. Схема доказывания наличия оснований для избрания личного поручительства.....	88
Заключение.	97
Список использованных источников.....	103
Приложение А.....	115
Приложение Б.....	116
Приложение В.....	117
Приложение Г.....	118
Приложение Д.....	119
Приложение Е.....	120
Приложение Ж.....	121
Приложение И.....	122
Приложение К.....	123
Приложение Л.....	125
Приложение М.....	126
Приложение Н.....	127
Приложение П.....	128
Приложение Р.....	129

ВВЕДЕНИЕ

Данная тема для исследования выбрана не случайно. Законодательно вопросы ее урегулированы недостаточно или не отражены в законе вовсе. Со стороны законодателя в ст. 97 УПК РФ, вопреки ее наименованию, нет четкого закрепления оснований избрания меры пресечения. В доктрине не все авторы стремятся раскрыть суть данного вопроса, предпочитая лишь цитировать положения действующего УПК РФ. А в практической деятельности правоприменители за основания для избрания меры пресечения зачастую принимают тяжесть совершенного преступления или данные о личности обвиняемого, подозреваемого. Все это ведет к непониманию со стороны правоприменителей истинных оснований для избрания меры пресечения, а также иных крайне важных аспектов решения вопросов об избрании меры пресечения, о чем свидетельствуют многочисленные постановления как российских судов¹, так и Европейского Суда по правам человека², где фиксируется, что при существующем отношении к избранию мер пресечения со стороны органов предварительного расследования, а зачастую и суда, происходит нарушение прав и свобод человека и гражданина, выражающееся в вынесении необоснованных и не законных решений о применении к обвиняемым, подозреваемым мер пресечения, либо избранная мера пресечения не приводит к ожидаемым результатам.

В качестве исходной гипотезы исследования нами было сформулировано предположение о том, что избежать подобных проблем в правоприменительной деятельности можно путем реализации подхода к избранию меры пресечения, состоящего из двух этапов. На первом этапе полагается устанавливать

---

¹ См.: Апелляционное постановление Брянского областного суда от 16.11.2017 года по делу № 22-1909/2017 (URL: <http://rospravosudie.com/court-bryanskij-oblastnoj-sud-bryanskaya-oblast-s/act-560968426.html>); Постановление Советского районного суда города Липецка от 13.11.2017 года (URL: <http://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-lipecka-lipeckaya-oblast-s/act-560927573.html>) и др.

² Постановления ЕСПЧ от 26 июня 1991 года по делу «Летеллье против Франции» (жалоба № 12369/86); от 05.02.2007 года по делу «Белевицкий против Российской Федерации» (Жалоба № 72967/01); от 24.05.2007 года по делу «Игнатов против Российской Федерации» (Жалоба № 27193/02); от 26.01.1993 по делу «W. против Швейцарии»; от 06.12.2007 года по делу «Линд против Российской Федерации»; от 24.05.2007 года по делу «Пшевечерский против Российской Федерации» и др. // СПС КонсультантПлюс

необходимость и целесообразность применения к лицу меры пресечения вообще, т.е. устанавливать наличие общих оснований для избрания меры пресечения, а на втором – решать вопрос об избрании конкретной меры пресечения, т.е. устанавливать специальные основания. Вследствие этого процесс избрания меры пресечения, на наш взгляд, обретает двухуровневую структуру.

Исходя из вышеизложенного, научное исследование преследовало следующую цель: разработку теоретической модели процесса избрания меры пресечения, пригодной для практического внедрения.

Решая задачи, в рамках поставленной цели, мы получили следующие результаты, которые и выносятся на защиту:

1) Меры пресечения в уголовном процессе имеют свое назначение и цели, хоть законодатель прямо на это не указывает. В связи с этим новизна научного исследования заключается в обосновании подхода к определению назначения мер пресечения. Также нововведение данного исследования проявляется в демонстрации нового подхода к обозначению целей избрания меры пресечения.

2) Основания избрания меры пресечения подразделяются на два вида: общие, необходимые для избрания меры пресечения в целом, и специальные, характерные для каждой конкретной меры пресечения. Наличие общих оснований дает возможность принять решение о необходимости избрания в отношении лица меры пресечения вообще и перейти к установлению специальных оснований. При этом вышеуказанные основания устанавливаются поэтапно (сначала – общие, потом – специальные), и каждые на своем уровне, вследствие чего процесс избрания меры пресечения состоит из двух этапов.

3) Визуально представить установление оснований для избрания меры пресечения возможно путем построения схем доказывания данных оснований, которые представляют собой конкретные последовательные этапы выявления и

установления оснований для избрания выбранных для исследования мер пресечения.

Для разработки данной модели были выбраны две меры пресечения, избираемые по решению следователя, дознавателя: подписка о невыезде и надлежащем поведении и личное поручительство. Объясняется, во-первых, это тем, что из тех мер пресечения, которые избирает следователь или дознаватель самостоятельно данные меры пресечения могут применяться к любому лицу, являвшемуся обвиняемым или подозреваемым, в отличие от наблюдения командования воинской части или присмотра за несовершеннолетним, где предусмотрен специальный статус обвиняемого, подозреваемого. Во-вторых, законодательная регламентация избрания данных мер пресечения не столь подробна и содержательна, в отличие от процедуры избрания залога, домашнего ареста или заключения под стражу, которая регулируется не только УПК РФ, но и отдельным Постановлением Пленума ВС РФ³. В-третьих, в научной литературе не всегда можно отыскать подробного анализа данных мер пресечения, поскольку большая часть трудов посвящена наиболее строгим из них. Поэтому исследование вопроса избрания подписки о невыезде и личного поручительства позволит дополнить теоретическую базу уголовного процесса новыми положениями и концепциями.

Результаты научного исследования имеют практическую значимость не только для следователей или дознавателей, непосредственно принимающих решение об избрании данных мер пресечения, но и для адвокатов. Так, участвуя в судебном заседании, либо при решении вопроса об избрании в отношении доверителя меры пресечения следователем, дознавателем, защитник имеет ряд процессуальных механизмов, позволяющих выполнять функцию защиты по уголовному делу. Как правило, это механизм заявления ходатайств либо обжалование решений правоприменителя. Для более эффективной защиты прав

---

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС КонсультантПлюс

и интересов доверителя защитнику крайне необходимо понимать, что является основаниями для избрания меры пресечения и общий механизм их установления.

Построение модели доказывания при избрании подписки о невыезде и личного поручительства проводилась на основе двух направлений: теоретического и практического. В рамках первого была проанализирована теоретическая разработанность выбранной темы, позиции как советских, так и современных авторов. Так, данной теме уделяли внимание такие ученые как А.С. Барабаш, А.Р. Белкин, А.Е. Белоусов, Н. Воронцова, И.В. Головинская, К.Б.Калиновский, Е.С. Лычкина, З.Г. Маслова, В.А. Михайлов, А.П. Рыжаков, М. Е. Токарева и другие.

Практическое или эмпирическое направление исследования заключалось в опросе правоприменителей относительно их деятельности при избрании данных мер пресечения, анкетировании следователей и дознавателей, а также в анализе постановлений об избрании подписки и невыезде и личном поручительстве. Общее число привлеченных к исследованию правоприменителей составило 50 человек, осуществляющих свою деятельность на территории г. Енисейска и Енисейского района Красноярского края, г. Лесосибирска и г. Красноярска. Из них 22 человека были опрошены устно, а оставшимся 28 было предложено дать пояснения по теме исследования в рамках анкетирования. Была изучена практика российских судов общей юрисдикции при помощи Интернет-портала www.rospravosudie.com. Также были проанализированы материалы около 60 уголовных дел.

Также эмпирическая часть исследования велась по следующим направлениям:

- выявление стереотипов в практической деятельности при избрании меры пресечения, негативно влияющих на данный процесс, и формулирование предложений по их устранению;

- выявление законодательных пробелов при регулировании вопроса избрания меры пресечения;

- разработка предложений, по улучшению качества уголовно-процессуального законодательства в части регламентации целей, оснований избрания меры пресечения, а также для корректировки правоприменительной деятельности по данному вопросу.

Структура исследования состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

ГЛАВА I. НАЗНАЧЕНИЕ, ЦЕЛИ И ОСНОВАНИЯ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

1.1. Назначение и цели избрания меры пресечения

При реализации уголовно-процессуальной деятельности, основные ее субъекты т.е. следователь и дознаватель, а также суд, наделены действующим уголовно-процессуальным законодательством полномочиями по избранию мер пресечения.

На сегодняшний день, согласно ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), к мерам пресечения относятся: 1) подписка о невыезде; 2) личное поручительство; 3) наблюдение командования воинской части; 4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; 4.1) запрет определенных действий; 5) залог; 6) домашний арест; 7) заключение под стражу.

Однако, ст. 5 УПК РФ не содержит указания на определение мер пресечения и их цели. Также нет упоминания об этом и в главе 13 УПК РФ, специально посвященной регламентации избрания мер пресечения. Как можно видеть, в данном случае законодатель ограничился лишь перечислением существующих мер пресечения. В то же время, этот вопрос крайне важен по следующим причинам. Любая мера пресечения содержит в себе ряд ограничений, которым подвергается подозреваемый или обвиняемый. Иными словами, каждая мера пресечения в разной степени ограничивает права и свободы человека, гарантированные Конституцией РФ и иными нормативно-правовыми актами. В связи с этим, обратимся к ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая гласит, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Отсюда следует, что Конституция РФ, с одной стороны, защищает предусмотренные в ней же права и свободы человека и гражданина, но с другой

стороны, допускает их ограничение в самых исключительных случаях. В связи с этим правоприменителям (дознавателю, следователю, судье), необходимо постоянно помнить о том, что любое их решение, в особенности то, которое повлечет за собой умаление прав и свобод человека и гражданина, в каждом конкретном случае должно быть законным и обоснованным. Реализация таких решений, в свою очередь, невозможна без понимания того, что представляют собой меры пресечения в рамках расследования уголовного дела, а также каково их назначение и цели.

Вторая причина, по которой следует уделить внимание вопросу о назначении и целях мер пресечения в уголовном процессе, заключается в определении места мер пресечения в уголовно-процессуальной деятельности и соотношении целей их применения и целей самой уголовно-процессуальной деятельности. Это необходимо для того, чтобы процесс избрания в отношении конкретного лица той или иной меры пресечения не сводился к «механическому» их применению, а определенным образом соотносился с целями уголовного процесса как деятельности.

Как было отмечено выше, законодатель при составлении текста УПК РФ, не упомянул о целях мер пресечения. Попытки заполнения данного законодательного пробела были предприняты в научной литературе. Так, до сих пор разные ученые предлагают все новые и новые подходы к определению целей мер пресечения.

Но прежде чем перейти к непосредственному анализу данных подходов, необходимо определить, что представляет собой понятие «цель»?

Разное содержание вкладывают в него.

Так, цель – идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; конечный результат, на который преднамеренно направлен процесс⁴.

---

⁴ Доброхотов А.Л. Цель. — 2-е изд. — М.: Мысль, 2010. — С. 266.

Также цель рассматривается как осознанный образ предвосхищаемого результата⁵; предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить⁶.

В философии цель означает «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия. В качестве непосредственного мотива цель направляет и регулирует действия, пронизывает практику как внутренний закон, которому человек подчиняет свою волю. Цель, выражая активную сторону человеческого сознания, должна находиться в тесной связи с объективными законами, реальными возможностями окружающего мира и самого субъекта»⁷. Иными словами, цель представляет собой предполагаемый мыслительный образ итога какой-либо деятельности, мысленное представление желаемого результата.

Но для того, чтобы результат из мысленного образа претворился в жизнь, цель, для лучшего и наиболее эффективного ее достижения, должна отвечать нескольким требованиям. Так, во-первых, цель должны быть конкретной. То есть ее формулировка не должна быть слишком нагроможденной, допускающей вариативность в ее понимании и толковании. И, во-вторых, цель должна быть реальной, достижимой. Это означает, что данная цель в принципе может быть достигнута практически с учетом всех внутренних и внешних факторов, а также имеющихся ресурсов.

В рамках данного исследования мы рассматриваем уголовный процесс со стороны деятельностного подхода. Это значит, что уголовный процесс - это деятельность, которая имеет свою цель, осуществляемую определенными субъектами, в рамках уголовно-процессуальных отношений. Данный подход позволит продемонстрировать, что цели уголовного процесса задают назначение мер пресечения, как института уголовного процесса. А исходя из назначения мер пресечения, в свою очередь, формулируются их цели.

---

⁵ Головин С.Ю. Словарь практического психолога. – Минск: Харвест, 1998. – С. 341.

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии». 2012. – С. 872.

⁷ Фролов И.Т. Философский словарь. – М., 2001. – С. 646.

По поводу цели уголовного процесса в теории существует множество точек зрения. Иногда цели уголовного процесса определяют как непосредственное отражение уголовно-процессуальной реакции на преступность (на социальном уровне)⁸, то есть прямо указывается на так называемые социальные ожидания (потребности). Отмечается также, что цели уголовного процесса «концентрируются в изобличении лиц, виновных в совершении общественно опасных деяний (на следственном и оперативно-розыском уровнях), определении степени вины этих лиц в содеянном и применении к ним справедливых наказаний или иных предусмотренных законом мер воздействия (на следственно-судебном уровне)»⁹.

Согласно другому аналогичному подходу отмечается, что «в большинстве случаев цели уголовного процесса выводятся из нормативно-правового контекста и связываются с деятельностью основных субъектов уголовно-процессуальных отношений. В данном случае речь идет о следующих целях:

- быстрое и полное раскрытие преступления, изобличение виновных в его совершении;
- обеспечение правильного и процедурного справедливого применения закона;
- соблюдения правила: каждый виновный должен быть подвергнут справедливому наказанию (или освобожден от наказания либо уголовной ответственности)¹⁰.

Однако, данные положения нельзя в полной мере признать целями уголовного процесса по следующим причинам. Многие авторы, называя в

---

⁸ См.: Стойко Н.Г. Модель уголовного процесса как концептуальное выражение его осуществления на практике // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 1. – С. 224.

⁹ Киреев М.П., Попов А.П. Соотношение понятий «цели уголовного процесса» и «цели уголовного наказания» // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 1. – С. 17-18.

¹⁰ См.: Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В. З. Лукашевича. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – С. 476.; Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т. В. Трубникова / под ред. М. К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 125; Якимович Ю.К. Проверка приговоров и иных судебных решений по уголовным делам судом второй и надзорной инстанции / Ю. К. Якимович. Томск: Том. ун-т, 2005. – С. 85.

качестве цели уголовного процесса раскрытие преступления, не раскрывают содержание данного понятия, в связи с чем остается открытым вопрос, что в процессуальном смысле означает «раскрытие преступления». В литературе большинство авторов раскрытие преступления связывают с установлением события преступления и изобличением лица, виновного в его совершении. Так, А.Н. Васильев прямо указывал, что «под раскрытием преступления принято понимать лишь обнаружение преступления и установление виновных, что является главным в расследовании преступлений»¹¹. Практически то же самое писал С.П. Митричев: «Раскрыть преступление — это значит установить факт события преступления и лицо, виновное в его совершении»¹². Выше отмечалось, что одним из требований к формулированию цели является конкретность ее формулировки. Это необходимо для наилучшей организации той или иной деятельности, соблюдения последовательности предпринимаемых действий, наиболее эффективного и оперативного достижения результата. Но в данном случае наблюдается обратное. Понятие «раскрыть преступление» не способствует однозначному его пониманию, что требует дополнительных пояснений.

Что касается указания в качестве цели уголовного процесса на правильность и справедливость применения процедуры, то в данном случае необходимо отметить, что любая процедура, особенно так или иначе затрагивающая права и свободы человека, должна осуществляться в условиях законности. Поэтому данный тезис является не конечной целью деятельности, а условием, в которых данная деятельность должна реализовываться на практике.

И относительно третьего тезиса о наказании или освобождении невиновных от наказания или уголовной ответственности стоит сказать следующее. В конечном итоге уголовно-процессуальная деятельность завершается постановлением приговора (оправдательного или обвинительного). При вынесении обвинительного приговора суд, в большинстве случаев, решает

---

¹¹ Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий. М. 1981. С. 18.

¹² Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М. 1973. С.13.

вопрос о назначении осужденному наказания. Но для того, чтобы перейти к этому вопросу, суд должен решить, имело ли место в данном случае преступление, совершал ли его данный подсудимый. Иными словами, сначала анализируется и познается событие прошлого – преступление, а вопрос о наказании решается в последующем. В связи с этим, стоит отметить, что уголовный процесс как деятельность, носящая познавательный характер, в первую очередь, направлена на установление события прошлого по оставленным им следам.

Наконец, существует позиция, согласно которой цель уголовного процесса – достижение истины¹³. Истина при этом понимается как соответствие знания действительности. Однако, данная формулировка слишком многозначна и объемна, и, как верно отмечается «...понятие истины в познавательном процессе является неопределенным и вряд ли может организовывать познавательную деятельность»¹⁴. Наблюдается ситуация, аналогичная той, которая была описана нами выше (при анализе понятия раскрытие преступления). Поэтому данная цель не может признаваться целью уголовного процесса.

В то же время, для познания события прошлого необходимо установление определенных обстоятельств. Такие обстоятельства законодатель перечислил в ст. 73 УПК РФ как обстоятельства, подлежащие доказыванию. Таким образом, следует исходить из того, что для лучшей реализации уголовно-процессуальной деятельности, целью уголовного процесса является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, которые перечислены в ст. 73 УПК РФ. Более того, подтверждение тому, что именно установление данных

---

¹³ См.: Орлов Ю.К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 4 (5). – 2012. – С. 195; Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2015. – С. 47; Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 67-74; Зинатуллин Т.З. Проблема истины в свете предназначения уголовного процесса // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В.А. Киселевой. Челябинск, 2002. Ч. 3. – С. 47; Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 14.

¹⁴ Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 182.

обстоятельств должно рассматриваться в качестве цели уголовного процесса, можно обнаружить в ст. 85 УПК, «где речь идет о процессе доказывания и подчеркивается, что доказывание осуществляется в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса»¹⁵. Наконец, обстоятельство следует считать установленным, когда между полученной информацией или сведениями, логическими доказательствами имеется связь, отсутствует внутреннее противоречие и взаимоисключение. Это означает, что при их соотнесении друг с другом должен получиться определенный, однозначный и единичный вывод.

Далее может возникнуть вопрос: каким образом соотносится данная цель уголовного процесса с назначением и целями применения мер пресечения?

Нередко понятие «назначение» отождествляют с понятием «цель». Однако, это не вполне верный подход. Так, выяснение и уяснение назначения чего-либо, какого-либо явления или деятельности позволяет ответить на вопрос: для чего существует данное явление или для чего осуществляется деятельность? Цель же рассматривается в качестве образного результата, которого желает достичь или добиться действующий субъект. Зачастую, обвиняемый, подозреваемый, не желая быть изобличенным в совершении преступления, совершает действия, которые способны негативным образом повлиять на ход расследования уголовного дела, что в свою очередь, будет препятствовать достижению цели уголовного процесса (речь идет о цели установления обстоятельств, подлежащих доказыванию). Эти действия могут быть различны, но самый распространенный пример – сокрытие лица от органов следствия, в связи с чем правоприменителю приходится большую часть ресурсов и времени затрачивать на розыск обвиняемого, подозреваемого, а не на расследование уголовного дела. В связи с этим для правоприменителя крайне важно устранить возможность совершения подозреваемым или обвиняемым подобных действий.

---

¹⁵ Брестер А.А. Цель уголовного процесса и ее значение для определения метода уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 1. – С. 77.

Предотвращение совершения подозреваемым, обвиняемым данных действий, является предпосылкой к реализации уголовно-процессуальной деятельности, создает для этого необходимые условия. Иными словами, это в дальнейшем способствует беспрепятственному и эффективному расследованию уголовного дела с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Таким образом, в процессе избрания меры пресечения, существует масштабное по своему содержанию явление, необходимое для достижения цели уголовного процесса. Данное явление стоит обозначить как назначение применение мер пресечения. Оно лежит за пределами процессуальных действий, непосредственно связанных с применением в отношении подозреваемого или обвиняемого мер пресечения, задается целями уголовного процесса. Можно сказать, что оно находится на теоретическом уровне, но, тем не менее, тесно связано с практической деятельностью правоприменителя.

Исходя из нашей позиции, мы склонны рассматривать создание надлежащих условий для реализации уголовно-процессуальной деятельности, иными словами, обеспечение нормального хода расследования уголовного дела, в качестве назначения применения мер пресечения, а не в качестве целей.

Подобный подход также имеет поддержку некоторых авторов¹⁶. Более того без применения мер пресечения «было бы затруднительно надлежащим образом обеспечить исполнение сформулированных в законе предписаний, а при определенных обстоятельствах вообще исключалась бы возможность наступления ответственности виновного»¹⁷.

Выше отмечалось, что в рамках уголовно-процессуальной деятельности ее субъекты осуществляют следственные и иные процессуальные действия.

---

¹⁶ См.: Булатов Б.Б., Николук В.В. Меры уголовно-процессуального принуждения. М., 2003. С. 6-35; Лановая Г.М. Принуждение в системе форм правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 14; Золотарь Е.В. Актуальные вопросы применения заключения под стражу в качестве меры пресечения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10; Баранов С.А. Залог в современном уголовном процессе России: проблемы нормативного регулирования и практика применения: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С. 69–78.

¹⁷ См.: Невский С.А., Иванова Е.А. Основания избрания мер пресечения: требования закона и их практическое воплощение // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 2. – С. 83; Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 59.

Каждое подобное действие в отдельности также имеет определенную цель. Например, производя обыск какого-либо помещения, следователь преследует цель получить информацию о событии прошлого, которая достигается путем обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, их анализа. Далее, получив надлежащее процессуальное оформление, данная информация становится в уголовном деле доказательством, которое, в совокупности с другими информационными доказательствами позволяет следователю сделать вывод, установив связь которого с другими можно говорить об установлении одного либо нескольких обстоятельств, подлежащих доказыванию. Иными словами, таким способом достигается цель уголовного процесса (точнее ее часть, поскольку целью уголовного процесса является установление всех обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ в их взаимосвязи).

Следовательно, цель каждого процессуального или следственного действия, если образно представить ее в виде вектора, направлена к достижению цели уголовного процесса. Аналогичная ситуация наблюдается и при решении следователем или дознавателем вопроса о применении к подозреваемому или обвиняемому меры пресечения. Но если следственное действие позволяет правоприменителю непосредственно получить информацию, связанную с указанной выше целью, то применение мер пресечения способствует реализации ее опосредованно. Ведь принимая данное решение, правоприменитель пытается создать наиболее оптимальные условия для расследования уголовного дела, устранить возможные препятствия в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Тем самым, через применение к подозреваемому, обвиняемому мер пресечения делается шаг по направлению к достижению цели уголовного процесса.

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что назначение применения мер пресечения заключается в создании наиболее благоприятных условий для всестороннего, полного и объективного разбирательства

уголовных дел, беспрепятственного установления фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Но в литературе не все придерживаются данной точки зрения. В связи с этим весьма интересна позиция С.С. Черновой. Так, она полагает, что «основное назначение мер пресечения заключается в предупреждении противоправного поведения лиц (подозреваемых, обвиняемых) с целью создания оптимальных условий для полного, всестороннего и объективного разбирательства по уголовному делу, принятия справедливого решения, обеспечения реализации обязанности виновного понести ответственность за совершение уголовно наказуемого деяния, пресечения дальнейшего неправомерного поведения виновного, в том числе в отношении потерпевшего и свидетеля, восстановления прав потерпевшего от преступления, предупреждения, пресечения и своевременного раскрытия и расследования преступлений»¹⁸.

В данном случае представлен кардинально противоположный подход к определению назначения и целей применения мер пресечения.

По изложенным выше причинам полагаем, что данный подход неверен. Назначение не может быть тождественно целям. Напротив, благодаря назначению происходит формулирование целей.

Выше мы отмечали, что обвиняемый, подозреваемый своими действиями может создавать определенные трудности для расследования уголовного дела, но не конкретизировали, какие именно это могут быть действия. Это попытался сделать законодатель, обозначив их в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, на наш взгляд неправильно, как основания для избрания мер пресечения. В качестве таковых он приводит следующий перечень данных действий, а именно: скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; продолжать заниматься преступной деятельностью; угрожать свидетелю, иным участникам уголовного

---

¹⁸ Чернова С.С. Применение мер пресечения на стадии предварительного расследования: учебно-практическое пособие. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2014. С. 5.

судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Исходя из представленного нами выше назначения мер пресечения, цели их применения можно обозначить как предотвращение следователем, дознавателем и судом совершения подозреваемым или обвиняемым действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Данный тезис подтверждается результатами практического исследования. Так, в ходе анкетирования правоприменители отметили, что законодатель закрепляет цели избрания меры пресечения в тексте УПК. Такой ответ дали 64 % опрошенных. При этом 59 % из них поддержали приведенную выше позицию по поводу формулирования целей избрания меры пресечения. Из оставшихся 36 % практических работников, которые считают, что в тексте закона цели избрания меры пресечения отсутствуют, все отметили необходимость закрепления в УПК РФ данных целей, поскольку считают, что это нововведение существенно упростит практическую деятельность (См. Приложение А, Б).

Однако, в научной литературе подход к пониманию целей применения мер пресечения неоднозначен.

Так, С.Б. Россинский полагает, что меры пресечения¹⁹ имеют своими целями «обеспечение надлежащего поведения лица, исключение возможности уклонения от исполнения своих процессуальных обязанностей или оказания противодействия субъектам уголовной юрисдикции»²⁰.

При этом некоторые авторы считают, что «надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого) – это выполнение им таких обязанностей, как явка по вызову следователя и суда, несовершение новых преступлений, непрепятствование собиранию доказательств»²¹.

---

¹⁹ Исходя из рассуждений, представленных выше, следует уточнить, что речь идет не о мерах пресечения, как таковых, а о применении мер пресечения к подозреваемому, обвиняемому.

²⁰ Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо. 2009. С. 24.

²¹ Манова Н.С., Шестерикова А.И. О соотношении оснований и целей применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве // Право. Законодательство. Личность. – 2014. – № 2. – С. 61.

Л.В. Кокорева считает, что «целью применения меры пресечения является обеспечение выполнения обвиняемым (подозреваемым) возложенных на него процессуальных обязанностей. К примеру, не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения следователя, дознавателя или суда; прибывать в назначенный срок по вызовам следователя, дознавателя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу. Кроме того, цель применения мер пресечения заключается в предотвращении попытки обвиняемого (подозреваемого) совершить другое преступление или продолжить начатое»²².

Из представленных выше точек зрения не трудно догадаться, что речь идет о статье 97 УПК РФ. Но возникает вопрос: на каком основании перечисленные действия (а точнее их несовершение) рассматриваются в качестве процессуальных обязанностей подозреваемого, обвиняемого, т.е. обязанностей, связанных с его статусом в уголовном процессе? В общем, обязанность в юриспруденции определяется как мера должного поведения, которой корреспондирует право уполномоченного субъекта²³. То есть частично затрагивается вопрос о структуре правоотношения. Но в контексте ч. 1 ст. 97 УПК РФ мы не видим уполномоченного субъекта, который может требовать от лица не совершать данные действия. Нет здесь и обязанного лица. С.Ф. Кечекьян утверждал, что «существуют правовые обязанности, устанавливаемые ради правопорядка в целом или ради обеспечения особых интересов какой-либо группы субъектов права, конкретные права которых по отношению к определенным лицам лишь могут возникнуть, но могут и не возникнуть в будущем»²⁴. Критикуя данное положение Э.И. Иванов отмечает: «представляется, однако, что не существует обязанности без корреспондирующего ей права и вне правоотношения. И нет и каких-то особых

---

²² Кокорева Л.В. Процессуальное значение оснований и цели применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. – 2016. – №1. – С. 104.

²³ См.: Иванов Э.И. Понятие юридической обязанности // Марийский юридический вестник. – 2012. – № 9. – С. 127.

²⁴ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР. 1958. С. 63.

правоотношений, обязанностей и прав, которые только могут возникнуть в будущем, но пока не существуют, а, следовательно, они не являются правовыми категориями и не подлежат учету и правовому анализу»²⁵. Данная точка зрения, на наш взгляд, является верной. На данный момент в рамках ст. 97 УПК РФ нельзя говорить о наличии каких бы то ни было правоотношений, а следовательно, то, что перечислено в п. 1-3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ является не обязанностью обвиняемого, подозреваемого, а лишь вариантами действий, которые он может совершить, в результате которых могут возникнуть препятствия для расследования уголовного дела, и совершение которых правоприменитель должен предотвратить.

Однако, следование запрету на совершение данных действий, после избрания меры пресечения, действительно может рассматриваться как процессуальная обязанность обвиняемого, подозреваемого, но только в рамках уже примененной конкретной меры пресечения. Для примера, обратимся к ст. 102 УПК РФ, где раскрывается содержание подписки о невыезде. Так, законодатель указывает на то, что в случае применения к лицу данной меры пресечения, у него возникают следующие обязанности: не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу. Кроме того, за несоблюдение данных запретов повлечет для подозреваемого, обвиняемого негативные последствия в виде применения к нему более строгой меры пресечения. Как можно заметить, разница между данной нормой и ч. 1 ст. 97 УПК РФ очевидна.

Также существует точка зрения, согласно которой «под целями применения мер пресечения понимается обеспечение явки обвиняемого (подозреваемого) по вызовам органов расследования и суда, невозможности для обвиняемого воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу,

---

²⁵ Иванов Э.И. Понятие юридической обязанности // Марийский юридический вестник. – 2012. – № 9. – С. 110.

пресечение возможной преступной деятельности обвиняемого, обеспечение исполнения приговора суда или для экстрадиции»²⁶.

При анализе данного утверждения, еще раз стоит подчеркнуть, что мы уже поднимали вопрос об истине, как цели уголовного процесса, поэтому нет необходимости еще раз анализировать данный вопрос на этом этапе. Особого внимания здесь заслуживает вопрос об отнесении к целям применения мер пресечения обеспечения приговора и экстрадиции лица.

Обратимся к ст. 397 УПК РФ (Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора). Согласно ч. 18 и 18¹ данной статьи законодатель предусмотрел возможность применения в отношении осужденного такой меры, как заключение под стражу.

В связи с этим необходимо отметить следующее: меры пресечения направлены на исключение возможности лица совершить определенные действия, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, тем самым повлиять на ход расследования уголовного дела. К моменту вынесения приговора уже пройдены две стадии уголовного процесса: предварительное расследование и судебное разбирательство. После завершения данных стадий у лица нет возможности каким-либо образом повлиять на ход расследования уголовного дела. Но появляется иная возможность: уклониться от исполнения приговора. И в случае совершения осужденным данного действия к нему должна быть применена такая мера, как заключение под стражу.

Однако, данное положение УПК РФ (ч. 18, 18¹ ст. 397) является самостоятельным. По мнению ряда ученых нет необходимости рассматривать возможность распространения мер пресечения в контексте Главы 13 УПК РФ на стадию исполнения приговора, поскольку на этой стадии решаются совершенно другие задачи. Так, по мнению И.М. Гуткина, «закон предоставляет право органам дознания, предварительного следствия, прокурору и суду в необходимых случаях применять к обвиняемым на период

---

²⁶ См.: Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб.: Нева. 2015. С. 59.

производства по уголовному делу принудительные меры, ограничивающие их свободу. Эти меры направлены на пресечение возможных со стороны обвиняемого попыток активно противодействовать расследованию уголовного дела или продолжать свою преступную деятельность и потому называются мерами пресечения»²⁷. Из данного тезиса видно, что автор ограничивал действие мер пресечения рамками производства по уголовному делу, полагая их цели достигнутыми при вступлении приговора в законную силу. Рассмотрев комплекс вопросов, вытекающих из законодательного регулирования и практики применения мер пресечения, особо выделив проблемы соотношения оснований для предъявления обвинения и избрания мер пресечения, их изменения и отмены, В.М. Корнуков отмечает, что данные меры процессуального принуждения находятся в компетенции должностных лиц и органов, ведущих производство по уголовному делу²⁸. Обращая внимание на то, что меры пресечения применяются к лицам, обвиняемым в совершении преступлений, не предрешают результаты разрешения дела и применение наказания судом, З.З. Зинатуллин определял границы их действия расследованием и судебным разбирательством уголовного дела²⁹. Таким образом, уголовно-процессуальный институт мер пресечения в существующем законодательном оформлении не распространяется на стадию исполнения приговора, а значит, не имеет смысла говорить о возможности применения иных мер пресечения на данной стадии уголовного судопроизводства. Что касается вопроса заключения под стражу по п. 18, 18.1 ст. 397 УПК РФ, то она совпадает с заключением под стражу в контексте Главы 13 УПК РФ лишь в силу своего наименования. Ее назначение, круг лиц, на которых она распространяется, сроки действия, процедура применения отделяют ее от

---

²⁷ Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М. 1963. С. 34.

²⁸ См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 70.

²⁹ Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. С. 65.

системы мер государственного принуждения, регламентированных в Главе 13 УПК РФ³⁰.

Также, представляется, что заключение под стражу в контексте п. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ преследует цель прекратить со стороны осужденного уклонение от претерпевания уже вынесенного приговора. Меры пресечения, предусмотренные ст. 98 УПК РФ, имеют отношение к процессу расследования уголовного дела на стадии предварительного расследования и (или) судебного разбирательства, и, как отмечает В.В. Николук, «их применением преследуется, в частности, цель нейтрализации противодействия обвиняемого расследованию уголовного дела»³¹. В связи с этим он приходит к выводу, что «уголовно-процессуальный институт мер пресечения в существующем законодательном оформлении не распространяется на стадию исполнения приговора, а является автономной мерой принуждения»³². Также отличие между заключением под стражу в контексте Главы 13 УПК РФ и ст. 397 УПК РФ состоит в процедуре применения, а также в целевом назначении. В целом, меры пресечения играют большую роль именно на стадии предварительного расследования, когда только начинает анализироваться произошедшее преступление, начинает формироваться доказательственная база и т.д. Для того, чтобы данные действия протекали в обстановке, позволяющей как можно лучшим и эффективным образом их реализовать, и применяются меры пресечения, предусмотренные ст. 98 УПК РФ. Касательно стадии исполнения приговора, здесь нет необходимости думать о возможной утрате информации, либо ином препятствии при расследовании уголовного дела. Но для того, чтобы данная стадия была реализована (если имеется возможность уклонения осужденного от исполнения приговора), то необходимо обеспечить его личную

---

³⁰ Об актуальных вопросах применения заключения под стражу на стадии исполнения приговора см. Николук В.В. Заключение под стражу в стадии исполнения приговора // Уголовное судопроизводство. – 2015. – № 2. – С. 33-41.

³¹ Николук В.В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 47.

³² Николук В.В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 47.

явку, инструментом или механизмом для достижения этого является указанная выше мера пресечения. На этом основании полагаем, что такую цель как обеспечения явки лица в суд на стадии исполнения приговора можно считать факультативной, дополнительной.

Теперь обратимся к вопросу о применении в отношении лица мер пресечения для его экстрадиции.

Процессуальный порядок данной деятельности предусмотрен ст. 466 УПК РФ, а также положениями «Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», заключенной в г. Минске 22.01.1993 г. (далее – Минская конвенция)³³.

При этом ч. 1 ст. 466 УПК РФ в определенных случаях предоставляет прокурору право решать вопрос о необходимости избрания лицу меры пресечения в порядке, предусмотренном Главой 13 УПК РФ.

Согласно ст. 60 Минской конвенции по получении требования запрашиваемая Договаривающаяся Сторона немедленно принимает меры к взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена.

В соответствии с ч. 2 ст. 466 УПК РФ, если к запросу о выдаче лица прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу, то прокурор вправе подвергнуть это лицо домашнему аресту или заключить его под стражу без подтверждения указанного решения судом Российской Федерации. Основанием для этого является принятое в установленном порядке компетентными органами зарубежного государства решение о заключении данного лица под стражу³⁴. При этом, как отмечает М.В. Тропин, «в данном случае идёт речь не об избрании меры пресечения по правилам российского уголовного судопроизводства (что, согласно

---

³³ См.: «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», заключена в г. Минске 22.01.1993 г. // СПС КонсультантПлюс

³⁴ Вениаминов А. Г., Грудинин Н. С., Грязнова Д. В. Вопросы заключения под стражу лиц, подлежащих экстрадиции [Электронный ресурс] // Электронный научно-практический журнал «NAUKA-RASTUDENT.RU». 2015. № 09(21). URL : nauka-rastudent.ra/21/2874/?get_pdf (дата обращения: 01.02.2017)

требованиям ст. 22 Конституции РФ требует судебного решения), а об исполнении уже состоявшегося решения компетентного органа иностранного государства об избрании меры пресечения»³⁵.

Таким образом, применение мер пресечения для реализации экстрадиции лица имеет цель обеспечить расследование уголовного дела, возбужденного в иностранном государстве. Хотя данная деятельность реализуется в рамках международного сотрудничества по расследованию уголовных дел, но, тем не менее, она отличается от регламентированной Главой 13 УПК РФ деятельности правоприменителя по своему целевому назначению. В связи с чем можно утверждать, что предусмотренные УПК РФ меры пресечения, которые избираются в отношении лица для его последующей экстрадиции, так же, как и в случае с исполнением приговора, имеют цели, носящие дополнительный, характер.

В рамках рассуждений о целях применения мер пресечения, следует обратить внимание на еще один аспект. П. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ упоминает о таком возможном действии подозреваемого, обвиняемого как «уничтожение доказательств».

В связи с этим следует отметить, что ч. 1 ст. 74 УПК РФ определяет доказательства как любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Из данного определения можно сделать вывод о том, что законодатель в качестве доказательств понимает лишь информационные доказательства.

Но в процессе деятельности правоприменителя информационные доказательства появляются не сразу. Как можно заметить из данного выше

---

³⁵ Тропин М.В. Заключение под стражу лиц, подлежащих экстрадиции // Российский следователь. – 2003. – № 3. – С. 13.

определения, сущностью информационных доказательств являются сведения. Они «снимаются» со следов преступления, которые непосредственно связаны с событием, произошедшим в прошлом. Информационное доказательство только тогда становится таковым, когда полученная первичная информация обличается в установленную законом форму. Таким образом, информационное доказательство по уголовному делу представляет собой единство формы и содержания. Следовательно, прежде чем получить информационное доказательство, следователь, дознаватель должен снять информацию с материального объекта (следа), оставленную возможно совершенным преступлением.

По поводу того, что представляют собой следы преступления, в литературе также встречается множество подходов.

Остановимся на следующем определении. Так, следом преступления принято считать «любые изменения окружающей обстановки, причинно связанные с расследуемым преступлением»³⁶. О.Я. Баев относит к их числу «отпечатки события в сознании, памяти людей, совершивших преступление, и (или) к нему прикосновенных (например, укрыватели преступления и т.п.), потерпевших от преступления, очевидцев, других свидетелей и т. д., и именуем их «интеллектуальными» или «памятными» следами, а также - отпечатки события на любых материальных объектах: предметах, документах, теле и (или) организме потерпевшего, обстановке события и т.д.»³⁷.

Иными словами, следы преступления подразделяются на материальные (оставленные на предметах) и интеллектуальные (содержащиеся в сознании человека). Но независимо от материала, на котором оставлены следы, содержащаяся в них информация, имеет важное значение при расследовании уголовных дел. При этом особое внимание стоит уделить тому, что след и его

---

³⁶ Мороз А.В. Понятие «материальные» следы преступления. // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 261.

³⁷ Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. М. 2009. С. 55.

носитель (источник³⁸) неразрывно связаны друг с другом. В условиях отсутствия носителя (источника) или воздействия на него, правоприменитель лишается возможности получить необходимые сведения. Поэтому крайне важна оперативная фиксация, закрепление и, по возможности, изъятие предметов или объектов, содержащих данные следы, а в случаях, когда необходимая информация содержится в сознании и памяти человека, ограждение его от влияния со стороны подозреваемого, обвиняемого.

Однако, нередко бывают случаи, когда правоприменитель, в силу различного рода причин, сразу не смог решить данную задачу, и часть материальных объектов со следами преступления осталась неисследованной или не все лица, обладающие необходимой информацией, установлены и допрошены. В данной ситуации велик риск влияния со стороны подозреваемого, обвиняемого на источник (носителя) этого следа. Например, изменение материальной обстановки, сокрытие или уничтожение предметов, на которых отражены следы преступления, угрозы очевидцам или иным лицам и т.д. Вследствие подобного воздействия на материальный объект, с которого правоприменитель «считывает» необходимую для расследования уголовного дела информацию, а равно и на сознание источника, подвергается трансформации и изменению не только сам объект или сознание источника, но и искажается или вовсе утрачивается данная информация. Это, в свою очередь, приводит к тому, что правоприменитель лишается возможности установить то или иное обстоятельство, подлежащее доказыванию по ст. 73 УПК РФ. Иначе говоря, подобные действия подозреваемого, обвиняемого негативно отражаются на ходе расследования уголовного дела.

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что следователь и дознаватель в первую очередь исследует следы преступления, которые, в свою очередь, находятся на объектах материального мира, предметах и т.д., а также в сознании и памяти людей. Доказательство появляется только тогда, когда

---

³⁸ Термин «источник» относится к лицам, обладающими информацией, необходимой для расследования уголовного дела.

правоприменителем проведена работа с источником (носителем) следа, снята и получена необходимая информация и закреплена в надлежащую форму. Это есть суть информационного доказательства, о котором и упоминал в ст. 74 и п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ законодатель.

Однако, стоит обратить внимание, что для обвиняемого, подозреваемого воздействие на доказательство, к которому у него физический доступ довольно ограничен, более проблематично, в отличие от воздействия на источник или носитель следа преступления (а через них и на сам след преступления), которые правоприменителем еще не были установлены или обнаружены, либо от них еще не получена или не снята необходимая информация, либо снята, но источник легко может быть подвергнут негативному воздействию с целью изменения показаний. Также воздействие на доказательство возможно путем воздействия на субъекта, благодаря которому данное доказательство появилось в уголовном деле, то есть на следователя, дознавателя, к примеру, путем уговора, подкупа, сговора и т.д. Но указанные последние случаи изменения доказательств составляют исключение, нежели правило. Таким образом, следует вывод о том, что в контексте п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ более уместно говорить не только и не, сколько о возможности уничтожения доказательств, а о возможности воздействия на источник и (или) носитель следа преступления. При этом необходимо дополнить, что желаемым результатом для обвиняемого, подозреваемого является уничтожение или изменение следа преступления, которое приведет к искажению или утрате информации, которая необходима правоприменителю для получения доказательств.

Также заслуживает внимания вопрос о толковании «иного образа воспрепятствования уголовному делу» в контексте п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Законодатель, таким образом, допускает возможность расширительно толковать положения закона в этой части, позволяя правоприменителям самостоятельно определять, какие действия подозреваемого, обвиняемого могут быть отнесены к «иным». Такой подход ведет к «размыванию» в

сознании правоприменителя понимания характера и рода действий, которые может совершить подозреваемый, обвиняемый. Это, в свою очередь, ведет к непониманию правоприменителями цели применения мер пресечения. А ведь одним из требований цели является точность и ясность ее формулировки, о чем было упомянуто ранее. Кроме того, если проанализировать содержание действий, перечисленных в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, а также приведенные нами выше рассуждения относительно п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, то можно сделать вывод о том, что указание на «иные действия» является излишним. Так, законодателем уже учтена возможность лица скрыться от следствия или суда, продолжить заниматься преступной деятельностью. «Воздействие на носитель» предполагает возможность уничтожения, повреждения или сокрытия материального предмета, объекта. «Воздействие на источник» означает применение к лицу угроз, шантажа, физического или психического принуждения, вследствие чего в его сознании формируется установка на предоставление правоприменителю неверной информации либо ее сокрытие, что и является искажением или утратой интеллектуального следа преступления. Кроме того, со стороны подозреваемого, обвиняемого данное воздействие может применяться не только к свидетелям, но и к иным участникам уголовного судопроизводства, которые имеют к расследуемому преступлению косвенное отношение и привлекаются для решения частных вопросов, но, тем не менее, имеющих важное значение для расследования уголовного дела и достижения цели установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку они способствуют получению необходимых доказательств. К таким участникам относятся, например, специалисты, эксперты, переводчики и т.д. Возможность подозреваемого или обвиняемого воздействовать различными способами на этих лиц также не исключается, что может повлечь за собой возникновение препятствий для уголовно-процессуальной деятельности. При применении мер пресечения возможность возникновения данных препятствий устраняется путем физического изолирования подозреваемого, обвиняемого,

который представляет потенциальную опасность для этих участников процесса, а также путем применения иных механизмов, заставляющих подозреваемого, обвиняемого воздерживаться от посягательства на данных лиц.

Как показали результаты устного опроса, на вопрос что же имел в виду законодатель, упоминая «иной способ воспрепятствования производству по уголовному делу», следователи и дознаватели не смогли дать конкретный ответ, указывая на то, что под этой формулировкой может пониматься что угодно. А это явно не влечет никаких положительных последствий в практической деятельности, поскольку нет понимания того, что именно нужно пресекать со стороны обвиняемого, подозреваемого.

В связи с этим полагаем, что действие подозреваемого, обвиняемого, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК следует сформулировать следующим образом:

«оказать воздействие на источник и (или) носитель следа преступления, с целью искажения или потери информации, которая от них может быть получена, а также на иных участников уголовного судопроизводства, содействующих получению необходимых доказательств».

1.2. Основания избрания меры пресечения

Определившись с назначением и целью применения мер пресечения, стоит перейти, пожалуй, к самому важному вопросу, касающегося избрания мер пресечения в части анализа положений об основаниях применения мер пресечения.

Как уже было отмечено выше, избрание мер пресечения представляет собой принятие решения следователем, дознавателем и судом о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого. Процессуально данное решение оформляется соответствующим постановлением следователя, дознавателя, а также определением суда в соответствии со ст.

101 УПК РФ. В свою очередь, ч. 4 ст. 7 УПК РФ гласит, что постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Эти требования состоят в тесной связи друг с другом. Более того, при несоблюдении одного из них, не могут быть реализованы остальные.

Но наибольший интерес представляет требование обоснованности решения об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, поскольку если правоприменителем будут представлены доказательства, дающие основание для принятия того или иного решения, то мотивировка решения, как демонстрация логической связи между этими доказательствами, подтверждающая правильность установления основания, не будет представлять никакой сложности. Кроме того, нельзя не отметить, что в уголовном процессе процессуальное и фактическое положение обвиняемого, подозреваемого более слабое, в отличие от органов государства, наделенных определенными полномочиями в уголовно-процессуальной сфере и их должностных лиц, способных применить к подозреваемому, обвиняемому определенные меры воздействия, вплоть до принуждения. Эти меры, в свою очередь, не должны быть чрезмерными, неоправданными. В противном случае нарушается положение УПК РФ в части соблюдения требования законности и ряда иных требований по соблюдению прав и интересов лиц, являющихся участниками уголовного процесса, при расследовании уголовного дела, т.е. допускается произвол. Отсюда следует необходимость установления правовых гарантий недопущения подобных ситуаций, которые со стороны органов предварительного расследования и суда могут быть выражены в применении меры пресечения при отсутствии оснований для ее применения либо в случае избрания конкретной меры пресечения, при наличии дефекта в установлении основания для ее применения. Иным словами, имелись основания применить меру пресечения в общем, но избранная мера пресечения возлагала на

подозреваемого, обвиняемого слишком строгие по своему содержанию ограничения, при наличии возможности применения иной, более мягкой меры пресечения. Следовательно, при избрании к лицу меры пресечения, правовые гарантии недопущения применения к подозреваемому, обвиняемому произвола заключаются в точном выяснении оснований применения мер пресечения (как общих, так и для конкретной меры пресечения, речь о которых пойдет далее). Также к таким гарантиям следует отнести и соблюдение следователем, дознавателем, судом процедуры применения каждой меры пресечения, которая подробно описана законодателем. Таким образом, условно формула достижения цели уголовного процесса в части недопущения произвола со стороны органов предварительного расследования при применении мер пресечения, складывается из следующих слагаемых: наличие оснований для ее применения плюс соблюдение процедуры ее применения.

В научной литературе также подчеркивается, что «обоснованность применения мер пресечения связывается с проблемами доказывания тех обстоятельств, которые являются основаниями применения любой меры пресечения»³⁹. Из данного утверждения следует, что имеется тесная связь между установлением оснований для применения мер пресечения и реализацией требования обоснованности принятия того или иного процессуального решения по уголовному делу.

Более того, понимание того, что является основаниями для применения мер пресечения, необходимо для выяснения соответствия результата деятельности правоприменителя цели уголовного процесса, которая выше была обозначена нами как недопущение произвола со стороны органов предварительного расследования и суда.

Как показывает анализ судебной практики, при принятии решений о применении к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения (особенно это

---

³⁹ Маслова З.Г. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого как процессуальная обязанность лиц, производящих расследование // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2012. – № 1-1. – С. 263.

касается заключения под стражу), следователи и дознаватели, возбуждая перед судом ходатайство об избрании в отношении лица заключения под стражу, в качестве доводов, обосновывающих необходимость применения данной меры пресечения, идут по пути цитирования положений закона. Суды, удовлетворяя данные ходатайства, в постановлениях перенимают ту же ошибку. Так, в постановлении Балашовского районного суда Саратовской области от 13.11.2017 года в обоснование применения к подозреваемому заключения под стражу указано: «...ходатайство следователя об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу и невозможности избрания иной более мягкой меры пресечения мотивировано тем, что обвиняемый Соколов А.Г., в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения, обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, за совершение которого уголовным законом предусмотрено наказание только в виде лишения свободы, имеет непогашенную судимость за совершение особо тяжкого преступления, не работает, характеризуется отрицательно, в силу статей 97, 99 УПК РФ данные обстоятельства учитываются судом при избрании меры пресечения в виде заключения под стражей. Исходя из данных о личности обвиняемого Соколова А.Г., его образа жизни, фактических обстоятельств расследуемого уголовного дела, суд приходит к убеждению о необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, считает невозможным избрание иной более мягкой меры пресечения, поскольку она не может явиться гарантией тому, что находясь вне изоляции от общества, обвиняемый не примет мер к созданию условий, препятствующих эффективному производству предварительного расследования по уголовному делу, и не скроется от органов предварительного расследования»⁴⁰.

Из представленного выше примера, мы не можем ответить на вопрос: на чем все-таки основано предположение суда о том, что подозреваемый, оставаясь на свободе, совершит действия, предусмотренные ч. 1 ст. 97 УПК

---

⁴⁰ URL: <http://rospravosudie.com/court-tambovskij-rajonnyj-sud-tambovskaya-oblast-s/act-549699258/.html> (дата обращения: 11.02.2017)

РФ? Отсутствует указание на конкретные доказательства, между приведенными данными не прослеживается необходимая для появления итогового вывода связь.

Стоит признать, что подобные случаи прочно укрепились в правоприменительной деятельности, несмотря даже на требования закона, а также на наличие подробных разъяснений Верховного Суда РФ. Такая порочная практика не способствует надлежащей реализации уголовно-процессуальной деятельности, поскольку в результате подобных случаев нарушаются права самих подозреваемых, обвиняемых. Кроме того, зачастую решающим фактором принятия решения о применении к лицу меры пресечения является указание на тяжесть преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется данное лицо.

Согласно результатам проведенного анкетирования 36 % опрошенных при избрании меры пресечения особое внимание уделяют именно данному обстоятельству (см. Приложение В). Среди всего количества опрошенных лиц данная цифра весьма существенна. Из этого следует, что зачастую на практике происходит подмена оснований для избрания меры пресечения тяжестью преступления, в совершении которого обвиняется или подозревается конкретное лицо.

Богата подобными примерами не только российская практика, но также практика Европейского суда по правам человека. Так, в параграфе 181 Постановления ЕСПЧ по делу «Худоеров против Российской Федерации» от 08.11.2005 года, Европейский суд указал следующее: «По поводу опасности, что заявитель скрылся бы от правосудия, Европейский суд напомнил, что такая опасность не может быть оценена на основании одной лишь тяжести предъявленных обвинений. Она должна оцениваться с учетом ряда других важных факторов, которые могут как подтвердить наличие такой опасности, так и представить ее настолько незначительной, что она не могла бы оправдать содержание под стражей во время рассмотрения дела в суде. В настоящем деле

в решениях национальных органов не указывались причины, по которым они, несмотря на доводы, представленные заявителем в поддержку его ходатайств об освобождении, считали решающим то, что он мог скрыться от правосудия. Решения национальных органов просто намекали на существование «достаточных оснований полагать, что обвиняемые скроются», не указывая на действительные основания их вынесения. Европейский суд признал неустановленным существование такой опасности»⁴¹. Аналогичные правовые позиции Европейского суда можно найти и в других постановлениях⁴².

Для устранения таких ситуаций правоприменителю необходимо четко осознавать, что представляют собой основания для применения мер пресечения.

Теперь непосредственно рассмотрим вопрос об основаниях применения мер пресечения. Для этого необходимо еще раз обратиться к ст. 97 УПК РФ. Так, с точки зрения законодателя (ч. 1 ст. 97 УПК РФ) меры пресечения могут быть избраны в отношении подозреваемого, обвиняемого при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Но как можно заметить, из законодательной формулировки мы не находим однозначного ответа на вопрос, что представляют собой эти «основания», но получаем представление о целях применения мер пресечения.

В доктрине также часто говорится об основаниях применения мер пресечения. Однако, как показывает анализ научной литературы, большинство

---

⁴¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 08 ноября 2005 года по делу «Худоеров против Российской Федерации» (жалоба № 6847/02) // СПС КонсультантПлюс

⁴² См.: Постановление ЕСПЧ от 05 февраля 2007 года по делу «Белевицкий против Российской Федерации» (Жалоба № 72967/01), § 101; от 24.05.2007 года по делу «Игнатов против Российской Федерации» (Жалоба № 27193/02), § 105; от 26 июня 1991 года по делу «Летеллье против Франции» (жалоба № 12369/86), § 43 // СПС КонсультантПлюс

авторов не стараются раскрыть содержание данного термина, а предпочитают дублировать положения ч. 1 ст. 97 УПК РФ⁴³. Однако, встречаются и содержательные подходы. Так, отмечается, что в целом под основанием понимают «совокупность предусмотренных законодательством обстоятельств, условий, фактов и предпосылок, обеспечивающих наступление юридических последствий»⁴⁴. Исходя из этой позиции, Л.В. Кокорева считает, что «под основаниями применения мер пресечения следует понимать обстоятельства, условия, факты и предпосылки, обеспечивающие применение этих мер»⁴⁵.

Л.А. Воскобитова полагает, что основания применения мер пресечения могут быть разделены на правовые и фактические. Под правовыми основаниями, по ее мнению, подразумеваются «прямо указанные в законе основания, с которыми связана возможность применения мер пресечения (например, обвиняемый может скрыться, угрожать свидетелям, уничтожить доказательства по уголовному делу)»⁴⁶. К фактическим основаниям она относит «подтвержденные процессуально пригодными сведениями обстоятельства, указывающие на необходимость применения мер пресечения»⁴⁷.

По поводу первой части данного утверждения стоит сказать, что мы не раз указывали на отсутствие в законодательстве четкого определения оснований для применения мер пресечения. Сами по себе возможные действия обвиняемого, подозреваемого не могут являться основаниями для применения к нему меры пресечения. Относительно второй части приведенной позиции автора, которая схожа с позицией Л.В. Кокоревой, стоит отметить, что для того, чтобы принять какое-либо решение, необходимо четко осознавать, из чего

---

⁴³ См.: Петрухин И.А. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. С. 164; Скибский А.В. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовный процесс. – 2008. – № 1. – С. 19; Родионова Ю.В. Изосимов В.С. К вопросу о законодательном регулировании применения меры пресечения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 166.

⁴⁴ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М., 2004. С. 552.

⁴⁵ Кокорева Л.В. Процессуальное значение оснований и цели применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. – 2016. – №1. – С. 104.

⁴⁶ Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий. М.: 2015. С. 214.

⁴⁷ Там же. С. 214.

состоит фундамент, на котором строится необходимость и обоснованность такого решения. Иными словами, правоприменитель должен без труда определять, есть ли в данном конкретном случае основания для избрания меры пресечения или нет. Определение оснований применения меры пресечения, предложенное Л.А. Воскобитовой, не позволяет однозначно определить, какие обстоятельства могут свидетельствовать о необходимости применения меры пресечения. Данный тезис сформулирован слишком обширно, допускает множественность толкования, не облегчает практическую деятельность, а потому нуждается в корректировке и уточнении.

В.И. Радченко отмечает, что основания для применения мер пресечения «в самом общем виде представляют собой доказательства, указывающие на необходимость ограничения свободы и личной неприкосновенности подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления»⁴⁸.

Однако, данная позиция не так бесспорна. С одной стороны, доказательства действительно относятся к процессу избрания меры пресечения, поскольку любая деятельность следователя при расследовании уголовного дела, так или иначе, протекает в условиях постоянной необходимости принятия обоснованных решений, а также обусловлена достижением цели уголовного процесса – установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию. Но с другой стороны, непосредственно информационные доказательства, как таковые, не могут быть признаны основаниями для принятия решения. Доказательства – это лишь средство для дальнейшей работы при избрании меры пресечения, а не конечный ее итог.

Не мог обойти стороной вопрос об основаниях применения меры пресечения и Верховный суд РФ. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ от 19.12.2013 N 41 Верховный Суд указывает, что основаниями для применения мер пресечения являются данные, свидетельствующие о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в статье 97 УПК

---

⁴⁸ В.И. Радченко. Уголовный процесс: Учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Радченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: «Юридический Дом «Юстицинформ». 2006. — С. 260.

РФ. В данном случае ничего нового в отличие от вышеуказанного подхода не предлагается. Понятие «данные» здесь, по сути, заменяет понятие «доказательства», что, как уже было отмечено, является некорректным.

В продолжение анализа приведенной выше точки зрения, стоит обратить внимание на позицию Смирнова А.В., Калиновского К.Б., которые определяют основание применения мер пресечения как «обоснованное предположение о возможном процессуальном нарушении со стороны обвиняемого»⁴⁹. Более того, это предположение в своем основании имеет данные, которыми, по мнению К.Б. Калиновского, должны быть только доказательства, «обработка которых и может дать его (предположение), являющееся основанием для применения меры пресечения»⁵⁰.

С данной позицией стоит согласиться по следующим причинам.

Несомненно, что для решения вопроса о применении меры пресечения правоприменитель должен устанавливать определенные обстоятельства, исходя из собранной по делу информации. В свою очередь, на получении информации или сведений деятельность правоприменителя по установлению этих обстоятельств не заканчивается. Данные сведения, в первую очередь, подлежат надлежащему процессуальному оформлению, а затем анализу и соотнесению с другой информацией. Результатом этого является логический вывод, который мы склонны рассматривать в качестве основания для применения меры пресечения.

Здесь может возникнуть вопрос: вывод о чем? Ответ на него может дать наша трактовка целей применительно к содержанию ст. 97 УПК РФ. В результате проведенной практической и мыслительной деятельности при решении вопроса о применении к подозреваемому, обвиняемому мер пресечения, правоприменитель должен получить вывод о том, что подозреваемый, обвиняемый действительно собирается скрыться от дознания,

---

⁴⁹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер. 2004. – С. 276.

⁵⁰ Там же. С. 277

предварительного следствия или суда; продолжит заниматься преступной деятельностью; окажет воздействие на источник и (или) носитель следа преступления, с целью искажения или потери информации, которая от них может быть получена, а также на иных участников уголовного судопроизводства, содействующих получению необходимых доказательств⁵¹.

Является необходимым также отметить, что полученный правоприменителем вывод имеет прогностический, вероятностный характер, поскольку обвиняемый, подозреваемый еще не совершил никаких действий, направленных на воспрепятствование расследованию уголовного дела, но имеет реальное намерение совершить их. Например, если получены доказательства того, что подозреваемый, обвиняемый, имеет большую часть имущества, зарегистрированную на его имя или имя близких родственников за рубежом, а на территории Российской Федерации места жительства не имеет, то это само по себе не может свидетельствовать о его полном, окончательном и безоговорочном намерении скрыться от следствия. По поводу данного возможного действия подозреваемого, обвиняемого также отмечается, что «при оценке риска того, что обвиняемый (подозреваемый) может, например, скрыться, необходимо учесть характер обвиняемого, его моральные качества, его средства, связи с государством, в котором он преследовался по закону, и его международные контакты»⁵².

Как отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 о том, что лицо может скрыться за границей, могут свидетельствовать, например, подтвержденные факты продажи принадлежащего ему на праве собственности имущества на территории Российской Федерации, наличия за рубежом источника дохода, финансовых (имущественных) ресурсов, наличия гражданства (подданства) иностранного

---

⁵¹ Отметим, что данная формулировка представлена с учетом выводов и положений, полученных из предыдущего анализа целей мер пресечения.

⁵² См.: Постановление ЕСПЧ от 26.01.1993 по делу «W. против Швейцарии» // СПС КонсультантПлюс

государства, отсутствия у такого лица в Российской Федерации постоянного места жительства, работы, семьи.

Но представляется, что сами по себе указанные сведения в отдельности не могут свидетельствовать о намерении подозреваемого, обвиняемого скрыться от следствия, что подтверждается позицией ЕСПЧ. Так, Европейский суд отмечает, что, например, «наличие у обвиняемого (подозреваемого) загранпаспорта не должно само по себе служить достаточным доказательством его намерения скрыться от органов предварительного расследования и суда. Факт отсутствия постоянного места жительства сам по себе также не дает основания подозревать, что обвиняемый может скрыться»⁵³.

Таким образом, наличие конкретных фактических данных недостаточно, чтобы сделать вывод о намерении лица совершить действия, предусмотренные ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Для этого необходимо, чтобы лицо предприняло какие-либо действия, которые свидетельствуют о его намерении воспрепятствовать расследованию уголовного дела.

Отсюда следует, что вывод правоприменителя, как правило, рассчитан «на будущее», но фундаментом такого вывода являются данные, сведения, информация о прошлом либо настоящем, обличенные в надлежащую форму, т.е. доказательства. Иными словами, вывод, который является основанием для принятия решения о применении к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения, имеет свое собственное основание – доказательства, а вернее связь между ними.

Кроме того, не исключены ситуации, при которых обвиняемый, подозреваемый, хоть и совершает определенные действия, которые расцениваются правоприменителем как намерение с его стороны совершить действия, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, но он (подозреваемый, обвиняемый) совершает их не для воспрепятствования ходу расследования уголовного дела, а с иными целями. Например, приобретает объект недвижимости за границей не

---

⁵³ См.: Постановления ЕСПЧ от 06.12.2007 года по делу «Линд против Российской Федерации», от 24.05.2007 года по делу «Пшевечерский против Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

с целью покинуть пределы Российской Федерации, а для того, чтобы обеспечить проживание своему ребенку, который собирается получать образование в другом государстве. Поэтому в каждом конкретном случае правоприменителю необходимо стремиться получить наиболее полную информацию, тщательно анализировать и сопоставлять полученные данные между собой, что необходимо для того, чтобы решение о применении к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения отвечало требованиям обоснованности.

Также следует сказать о том, что зачастую встречаются случаи, когда подозреваемый, обвиняемый уже совершил действия, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. В данной ситуации мы имеем дело уже с конкретным произошедшим в действительности событием и его последствием – возникновением препятствия для дальнейшего расследования уголовного дела. И даже здесь основанием для принятия решения о применении мер пресечения будет логический вывод. Однако уже нет никакого смысла говорить о том, что данный вывод носит прогностический характер. Напротив, вывод акцентируется на том событии, которое уже свершилось (например, высказывание угроз в отношении свидетеля). Но чтобы это утверждать, правоприменитель в любом случае будет основываться на доказательствах, устанавливать связь между ними и приходиться к соответствующему выводу. Но характер этого вывода направлен уже не на будущее, а обращен к событию прошлого. О прогностическом характере вывода можно говорить лишь при решении вопроса о том, какая именно мера пресечения наилучшим образом предотвратит совершения этого или иного действия в дальнейшем.

Применение к такому подозреваемому, обвиняемому меры пресечения обусловлено задачей прекратить уже начатые им противоправные действия, замедляющие уголовно-процессуальную деятельность, а также не допустить совершения аналогичных поступков в будущем.

Далее уголовно-процессуальный закон указывает на «достаточность»

оснований при решении вопроса об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого мер пресечения, но не раскрывает ее содержания. В связи с этим на каждом этапе своей деятельности правоприменителю необходимо на основе совокупности собранной информации решать вопрос о ее достаточности для выдвижения предположения о том, что подозреваемый, обвиняемый совершит действия, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Обратимся к ч. 1 ст. 88 УПК РФ, согласно которой каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела. Таким образом, законодатель предлагает устанавливать достаточность доказательств в конце процесса доказывания. Однако, следует обратить внимание на следующее. В процессе доказывания задействованы не только так называемые информационные, но и логические доказательства⁵⁴.

Но получить логическое доказательство только тогда представляется возможным, когда к тому есть достаточные основания (то есть имеется такая совокупность информационных доказательств, которая позволяет правоприменителю сделать соответствующий вывод, и на этот момент нет доказательств, позволяющих предположить возможность другого вывода). Иными словами, их достаточно, чтобы прийти к тому или иному умозаключению. А значит, достаточность устанавливается не только на основе всей совокупности доказательств на завершающем этапе доказывания, но и на отдельных его этапах при переходе от информационных доказательств к логическим.

При избрании меры пресечения перед правоприменителем стоит как минимум два вопроса. Первый из них может быть сформулирован следующим образом: есть ли вообще необходимость в данном конкретном случае применять к подозреваемому, обвиняемому меру пресечения? Для разрешения

---

⁵⁴ Первым, кто предложил концепцию логических доказательств, был Ю.К. Орлов (См.: Орлов Ю.К. Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 28. М.: Юрид. лит. 1978. – С. 86-101; См. также Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. – С. 27-28)

данного вопроса правоприменителю необходимо оценивать вероятность совершения подозреваемым, обвиняемым действий, предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ. При этом также не стоит забывать о том, что существуют иные меры процессуального принуждения, предусмотренные ст. 111 УПК РФ. В том случае, когда на поставленный вопрос последует отрицательный ответ, то при наличии других оснований, могут быть применены данные меры принуждения.

Но совсем иная ситуация наблюдается, когда ответ на данный вопрос положительный. Это возможно только после того, как было установлено общее основание для применения мер пресечения (то есть следователь, дознаватель пришел к выводу о том, что существует реальная возможность со стороны подозреваемого, обвиняемого совершить действия, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Далее перед правоприменителем возникает новый вопрос: какую именно меру пресечения из предложенных законодателем в ст. 98 УПК РФ следует применить в данном конкретном случае? Для ответа на этот вопрос правоприменитель должен понимать назначение и цели применения мер пресечения. Связано это, в первую очередь, с тем, что каждая мера пресечения отличается по количеству и качеству правоограничений. Мы уже подчеркивали, что в связи с этим каждая мера пресечения по-разному воздействует на поведение подозреваемого, обвиняемого, принуждая его воздерживаться от совершения противоправных действий, наносящих урон уголовно-процессуальной деятельности. Выше также приводились примеры этого. Так, залог несет в себе угрозу принудительного изъятия у подозреваемого, обвиняемого имущества. Следовательно, если для такого подозреваемого, обвиняемого одной из основных ценностей является имущественные или материальные блага, то с большой долей вероятности можно утверждать, что такое лицо будет воздерживаться от совершения действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, боясь, в случае нарушения предписаний закона, лишиться данного имущества. Таким образом, посредством избрания залога в качестве меры

пресечения цель их применения будет достигнута. Но в то же время, если к такому лицу будет применена такая мера пресечения, как заключение под стражу (при наличии основания для применения залога), то это будет прямым нарушением положений ч. 1 ст. 108 УПК РФ. А в случае применения, скажем, подписки о невыезде, этого может оказаться недостаточно для предотвращения совершения подозреваемым, обвиняемым действий, предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Отсюда следует вывод, что для решения вопроса о выборе конкретной меры пресечения, правоприменителю необходимо оценивать эффективность воздействия тех или иных ограничений на подозреваемого, обвиняемого, предусмотренных каждой мерой пресечения. Иными словами, следователь, дознаватель должен прийти к выводу о том, что в данном случае применительно к конкретному лицу, являющемуся подозреваемым, обвиняемым с целью предотвратить им возможность совершения действий, указанных в ч.1 ст. 97 УПК РФ, наиболее уместно и целесообразно избрать ту или иную конкретную меру пресечения.

Этот вывод так же, как и в предыдущем случае, основывается на анализе и сопоставлении конкретных доказательств. Следовательно, при избрании в отношении лица меры пресечения правоприменителю необходимо провести процесс доказывания дважды. В первом случае результатом этого процесса будет вывод о необходимости применения меры пресечения вообще, а во втором – вывод о том, что та или иная конкретная мера пресечения наиболее эффективна для реализации цели применения мер пресечения. Но для того, чтобы сделать второй вывод, правоприменитель должен выяснить те ценности и блага, которые представляют для подозреваемого, обвиняемого особое значение, имеют для него важность, и угроза потери или ограничения которых будет являться сдерживающим фактором от намерения совершить действия, указанные в ч.1 ст. 97 УПК РФ. Данные блага и ценности можно обозначить как ценностные установки лица. Выяснение их и будет являться основанием для избрания в отношении подозреваемого, обвиняемого конкретной меры

пресечения, предусмотренной ст. 98 УПК РФ. Условно обозначим данное основание специальным основанием.

С процессом установления оснований для применения мер пресечения тесно связан вопрос о месте и роли обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, предусмотренных ст. 99 УПК РФ. Законодатель к таким обстоятельствам относит тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, а также другие обстоятельства.

Как верно отмечено законодателем, данные обстоятельства подлежат выявлению и учету после того, как установлено общее основание для применения мер пресечения. Однако, на практике зачастую происходит подмена данных понятий. Так, согласно Постановлению Западнодвинского районного суда Тверской области от 23 января 2017 года по Делу № 3/1-3/2017 суд указывает: «...учитывая общественную опасность содеянного, личность подозреваемого, тот факт, что Цыбульский Э.М. проживает на территории <данные изъяты> района без регистрации, официально не трудоустроен и постоянного источника дохода не имеет, совершил тяжкое преступление, направленное против собственности граждан, суд не находит оснований для применения иной более мягкой меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, поскольку подозреваемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, поменять место жительства и скрыться от следствия и суда, чем воспрепятствует отправлению правосудия и установлению истины по делу»⁵⁵.

В данном случае можно наблюдать простое перечисление и расшифровку таких обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, как тяжесть преступления, данные о личности, сведения о трудоустройстве подозреваемого. По каким-то причинам подобное перечисление приводит правоприменителя к выводу о необходимости применения заключения под стражу. Однако на наш

---

⁵⁵ URL: <http://rospravosudie.com/court-zapadnodvinskij-rajonnyj-sud-tverskaya-oblast-s/act-550317207.html>
(дата обращения: 15.02.2017)

взгляд необходимой логической связи между представленными фактами и выводами здесь не наблюдается. С учетом представленных выше рассуждений полагаем такой подход в корне неверным. Эти обстоятельства не есть основания для применения меры пресечения. В обратном случае получалось бы следующее: если лицо, например, имеет какое-либо хроническое или временное заболевание или имеет на иждивении несовершеннолетних детей, и применение к нему меры пресечения негативно отразится на состоянии его семьи, его материальном или ином положении, то правоприменитель был бы лишен возможности применить к нему меру пресечения. Подобные допущения абсурдны.

Иное дело, когда этим обстоятельствам отдается не первостепенная роль, но, тем не менее, они подлежат учету. Так, выше было отмечена необходимость правоприменителя на втором этапе избрания меры пресечения определять, какая именно мера наиболее эффективна в данном случае. Данная задача решается, в том числе, при помощи выявления и учета именно данных обстоятельств. Так, учет, например, материального положения важен в случае решения вопроса о применении залога. Так, Светлоярский районный суд Волгоградской области пришел к выводу о невозможности применения залога в качестве меры пресечения к подозреваемому вследствие отсутствия денежных средств для внесения залога⁵⁶.

Приведенные выше рассуждения и примеры судебной практики позволяют сделать вывод о том, что обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ не стоит рассматривать в качестве оснований для применения мер пресечения. Данные обстоятельства носят дополнительный, факультативный характер. При их помощи подтверждается необходимость и целесообразность избрания в отношении подозреваемого, обвиняемого конкретной меры пресечения, а также ее эффективность для недопущения совершения лицом

---

⁵⁶ См.: Постановление Светлоярского районного суда Волгоградской области по Делу №3/1-41/2016 (URL: <http://rospravosudie.com/court-svetloyarskij-rajonnyj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-549025315.html> (дата обращения: 17.02.2017))

одного из действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Более того, результатом выяснения данных обстоятельств является вывод правоприменителя о фактической возможности либо невозможности применения к подозреваемому, обвиняемому конкретной меры пресечения. Из сказанного выше следует, что обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ следует обозначить как условия для избрания конкретной меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого.

ГЛАВА II. ИЗБРАНИЕ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПОДПИСКИ О НЕВЬЕЗДЕ

2.1. Основания для избрания подписки о невыезде

Статья 102 УПК РФ раскрывает содержание такой меры пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении. Согласно уголовно-процессуальному закону подписка о невыезде и надлежащем поведении состоит в письменном обязательстве подозреваемого или обвиняемого:

- 1) не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда;
- 2) в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд;
- 3) иным путем не препятствовать производству по уголовному делу.

В силу того, что подписка о невыезде и надлежащем поведении относится к мерам пресечения, избираемым по самостоятельному решению следователя или дознавателя, возникают сложности выявления статистических показателей ее применения. Однако О.И. Цоколова отмечает, что несмотря на то, что «по самым приблизительным подсчетам количественные показатели по этой мере пресечения составляют не менее полумиллиона за год (по состоянию за 2013 год)»⁵⁷. Согласно исследованию, проведенному Тимохиным Ю.А. на примере Хабаровского края за 2011-2012 гг. «в среднем к 100 обвиняемым по уголовным делам, находившимся в производстве следователей следственных подразделений СУ при УВД по Хабаровскому краю, подписка о невыезде и надлежащем поведении избирается в отношении 80 человек, в отношении 20 избирается заключение под стражу»⁵⁸. В.Ю. Мельников отмечает следующее: «правоприменительная практика свидетельствует, что в стадии

---

⁵⁷ Цоколова О.И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности. // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1. – С. 7.

⁵⁸ Тимохин Ю.А. Значение подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю // Российский следователь. – 2012. – № 10.– С. 11.

предварительного расследования мера пресечения избирается в отношении почти 90 % обвиняемых. Однако на практике используется лишь два вида уголовно-процессуального принуждения: до 52 % обвиняемых арестовывается (т.е. помещается в СИЗО – *прим. наше*), в отношении остальных ограничиваются подпиской о невыезде»⁵⁹.

Из приведенной статистики следует, что наиболее часто применяемыми мерами пресечения являются подписка о невыезде и надлежащем поведении и заключение под стражу.

Данный тезис подтверждается и проведенным нами исследованием (подписку о невыезде либо заключение под стражу избирают в 67% случаях) (См. Приложение Г).

Возникает вопрос – насколько обосновано столь частое применение подписки о невыезде?

Как было выявлено нами в предыдущей главе, процесс избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого осуществляется в два этапа: на первом этапе устанавливается необходимость избрания меры пресечения вообще, а на втором – решается вопрос о выборе конкретной меры пресечения, предусмотренной ст. 98 УПК РФ. Результатом реализации первого этапа является вывод правоприменителя о том, что подозреваемый, обвиняемый имеет действительное, реальное намерение скрыться от следствия и суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, а также оказать воздействие на носитель (источник) следа преступления, а также на иных участников уголовного судопроизводства. Если в результате своей деятельности, проведения процессуальных и иных действий правоприменитель пришел к данному выводу, то имеются все основания для перехода ко второму этапу. Но как быть в случае отсутствия оснований для избрания меры пресечения? В данной ситуации имеется два варианта действий: либо не

---

⁵⁹ Мельников В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014 – С. 232.

применять к лицу никаких мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством вообще, либо применить так называемые иные меры процессуального принуждения, регламентированные Главой 14 УПК РФ. В принципе, первый вариант не исключается, при условии, что подозреваемый, обвиняемый не представляет угрозу для расследования уголовного дела и иных участников процесса. Однако в литературе отмечается, что в условиях отсутствия общих оснований для избрания мер пресечения к подозреваемому, обвиняемому, второй вариант считается более приемлемым и уместным, причем из предусмотренных законом иных мер уголовно-процессуального принуждения, наиболее подходящим является обязательство о явке, регламентируемое ст. 112 УПК РФ. Такой позиции придерживается, например, О.И. Цоколова. Согласно ее мнению «в таком случае в соответствии со ст. 97 УПК вообще не надо избирать меру пресечения, ограничившись обязательством о явке»⁶⁰. Считаем данный подход абсолютно верным.

Более того, здесь же важно рассмотреть вопрос о соотношении обязательства о явке и подписки о невыезде по причине, носящей практический характер. Зачастую правоприменители не видят разницы между этими мерами, и, как результат, происходят весьма курьезные ситуации. Так, Усть-Илимским городским судом Иркутской области по Делу № 2-745/2013 от 02.04.2013 года было установлено, что постановлением следователя Ц. <данные изъяты> было возбуждено уголовное дело в отношении Скуратова А.И. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.199 Уголовного кодекса Российской Федерации. <данные изъяты> в отношении Скуратова А.И. была избрана мера пресечения – подписка о невыезде, которая фактически отобрана <данные изъяты>. <данные изъяты> Скуратову А.И. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ, он был допрошен в качестве обвиняемого и отобрано обязательство о явке. При этом

---

⁶⁰ Цоколова О.И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 1. – С. 8.

избранная <данные изъяты> мера пресечения в виде подписки о невыезде не была отменена в установленном законом порядке⁶¹.

В данном случае к лицу одновременно были применены две совершенно разные по своей правовой природе меры уголовно-процессуального принуждения: мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, а также иная мера уголовно-процессуального принуждения в виде обязательства о явке. Подобные явления в правоприменительной деятельности недопустимы. В связи с этим полагаем, что несколько слов следует уделить выявлению различий между подпиской и невыезде и надлежащем поведении и обязательством о явке.

Первое, на что стоит обратить внимание, это действительное сходство данных мер. Однако, не стоит отождествлять их юридическую природу. Так, при характеристике обязательства о явке В.А. Михайлов обращал внимание на то, что оно «не только самостоятельная мера процессуального принуждения, но и неотъемлемый атрибут любой меры пресечения, через его реализацию обеспечивается одна из существенных целей мер пресечения - гарантировать участие обвиняемого в уголовном судопроизводстве, пресечь возможное уклонение от этого участия под тем или иным предлогом, в том числе с использованием попыток скрыться от дознания, следствия, правосудия. Обязательство о явке - главный атрибут подписки обвиняемого являться по вызовам и сообщать о перемене места жительства, таким образом обеспечивается участие обвиняемого в уголовном процессе; под угрозой применения более строгих мер принуждения гарантируется его неуклонение от дознания, следствия, правосудия»⁶². Таким образом, данный автор утверждает, что частично сущность обязательства о явке усматривается во всех мерах пресечения, в том числе и в подписке о невыезде и надлежащем поведении. В том и в другом случае речь заходит об обязанности лица являться по вызову

---

⁶¹ URL:<http://rospravosudie.com/court-ust-ilimskij-gorodskoj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-107326561/>.html (дата обращения: 01.03.2017)

⁶² Михайлов В.А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. М., 1997. – С. 47.

следователя, дознавателя, суда в установленный для этого срок, а также о контроле перемены места жительства данного лица. Однако, обязательство о явке в меньшей мере, чем подписка о невыезде и надлежащем поведении ограничивает право лица на свободу передвижения. Так, обязательством о явке не предусмотрен запрет для лица покидать своего места жительства без разрешения следователя, дознавателя, суда. Более того, ч. 1 ст. 112 УПК РФ содержит в себе следующую формулировку: «при необходимости у подозреваемого, обвиняемого, <...> может быть взято обязательство о явке». Но законодатель не поясняет, в чем заключается данная «необходимость». Полагаем, что ее содержание кроется в обеспечении гарантии явки подозреваемого, обвиняемого к следователю, дознавателю, суду для участия в следственных и иных процессуальных действиях, а также судебном заседании. Аналогичная позиция существует и в литературе. Так, Б.Б. Булатов полагает, что «анализируемой мере процессуального принуждения законодатель отводит роль способа обеспечения быстрой явки обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего, свидетеля к дознавателю, следователю, прокурору, в суд при возникновении необходимости в проведении следственных или процессуальных действий. Возложение на них обязанности незамедлительно сообщать о перемене места жительства должностным лицам, ведущим уголовное дело, продиктовано соображениями предоставить возможность своевременно вызвать обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего, свидетеля и привлечь их к участию в следственном (процессуальном) действии»⁶³.

Отсюда следует, что условиями для применения к подозреваемому, обвиняемому обязательства о явке являются, во-первых, отсутствие общих оснований для избрания мер пресечения⁶⁴, а во-вторых, наличие необходимости обеспечения оперативного фактического присутствия подозреваемого, обвиняемого, в определенном месте и времени по требованию следователя, дознавателя, суда.

---

⁶³ Булатов Б.Б. Обязательство о явке // Российский следователь. – 2003. – № 5. – С. 3.

⁶⁴ Применительно к обвиняемому, подозреваемому

Различны также и последствия нарушений со стороны указанных лиц обязанностей, возлагаемых на них уголовно-процессуальным законодательством. Так, в случае нарушения обязательства о явке к лицу может быть применен привод (ст. 113 УПК РФ). По мнению Б.Т. Безлепкина, привод является «единственным последствием нарушения письменного обязательства о явке»⁶⁵. Но здесь необходимо обратить внимание на следующее. В части 1 ст. 113 УПК РФ закреплено, что в случае неявки по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший и свидетель могут быть подвергнуты приводу. Но неявка без уважительных причин по вызовам дознавателя, следователя, прокурора, суда является лишь одним из двух возможных нарушений обязательства о явке. В том случае, когда подозреваемый, обвиняемый, свидетель или потерпевший переменили место жительства и не сообщили об этом органу либо должностному лицу, взявшему обязательство о явке, они также нарушают условия последнего. Однако в связи с этим и «с учетом содержания ч. 1 ст. 113 УПК РФ, перечисленные участники уголовного судопроизводства не могут быть подвергнуты приводу»⁶⁶. Таким образом, лицо может быть подвергнуто приводу только в случае неявки без уважительных причин по вызову следователя, дознавателя, суда. В случае нарушения обязанностей, предусмотренных подпиской о невыезде и надлежащем поведении, последует применение любой иной более строгой меры пресечения. При этом законодателем не установлена последовательность такого избрания. То есть вполне реальна ситуация, при которой в случае нарушения обязанностей, предусмотренных подпиской о невыезде и надлежащем поведении, лицо будет заключено под стражу, при условии наличия оснований для применения данной меры пресечения.

Как и остальные, предусмотренные ст. 98 УПК РФ меры пресечения, подписка о невыезде предназначена для обеспечения осуществления

---

⁶⁵ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002. – С. 148.

⁶⁶ Булатов Б.Б. Обязательство о явке // Российский следователь. – 2003. – № 5. – С. 2.

беспрепятственного хода расследования по уголовному делу. Для воплощения этого назначения на практике, данная мера имеет свой особый механизм. Так, в литературе зачастую можно встретить точку зрения, согласно которой подписка о невыезде и надлежащем поведении носит психологически-принудительный характер, поскольку нарушение обязанностей, возлагаемых на подозреваемого, обвиняемого данной мерой может повлечь за собой применение к нему иной, более строгой меры пресечения⁶⁷. Представляется, что с данным подходом можно согласиться, поскольку для подозреваемого или обвиняемого под угрозой ограничения или лишения находятся иные блага, в том числе и материальные ценности, а также личная свобода. В то же время, стоит отметить, что психологическое воздействие присуще не только подписке о невыезде и надлежащем поведении, но и всем остальным мерам пресечения, так как согласно ст. 110 УПК РФ в случае изменения оснований для избрания меры пресечения, для правоприменителя имеется возможность избрать другую, более строгую меру пресечения, а в случае, если в отношении подозреваемого, обвиняемого избрано заключение под стражу – допускается продление его срока с учетом положений ст. 109 УПК РФ. То есть в любом случае, какая бы мера пресечения ни была бы избрана (за исключением содержания под стражей), над подозреваемым, обвиняемым «нависает» угроза применения к нему более серьезных и строгих ограничений.

Существует также несколько иное понимание психологического принуждения, предусматриваемого данной мерой пресечения. Как отмечает Е.Г. Васильева «подписка о невыезде оказывает психическое давление на обвиняемого (подозреваемого), вынужденного получать разрешение всякий раз, когда у него возникнет необходимость отъезда по тем или иным причинам»⁶⁸. Однако, мы склонны рассматривать данное обстоятельство в качестве одной из

---

⁶⁷ См.: Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа: Изд-во БашГУ. 2003. – С. 105.; Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. М.: Издательский дом «Буквоед», 2007. – С. 313-314.; Уголовный процесс: учебник / Смирнов А.В., Калиновский К.Б.; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. И доп. М.: КНОРУС, 2008. – С. 253.

⁶⁸ Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа: Изд-во БашГУ. 2003. – С. 105.

обязанностей, возлагаемой на подозреваемого, обвиняемого данной мерой пресечения, которая, несомненно, создает для него определенные неудобства и трудности в реализации своего права на свободу передвижения. Поэтому сама по себе необходимость получения разрешения и одобрения следователя, дознавателя на отлучение с места постоянного или временного проживания не является так называемым «сдерживающим фактором» для подозреваемого, обвиняемого. Но, несмотря на это считается, что данная мера, по сравнению с другими, является самой «мягкой», поскольку предусматривает минимум ограничений прав и свобод обвиняемого, подозреваемого.

Процедура отобрания у лица подписки о невыезде и надлежащем поведении, с одной стороны, характеризуется простотой, но с другой стороны, некоторыми авторами отмечается недостаточная законодательная регламентация применения данной меры пресечения⁶⁹. Более того, считается, что данная мера пресечения не оказывает должного воздействия на поведение подозреваемого, обвиняемого, вследствие чего эффективность данной меры ставится под сомнение. Так, В.С. Удовиченко отмечает, что «подписка о невыезде и надлежащем поведении является самой необеспеченной мерой пресечения, гарантией её соблюдения является письменное обязательство подозреваемого или обвиняемого, т.е. фактически обещание лица, совершившего преступление»⁷⁰. А.Ю. Тимохин полагает, что подписка о невыезде и надлежащем поведении не имеет должного эффекта вследствие того, что «контроль за поведением обвиняемого, подозреваемого возложен на него самого. Ему ничто не мешает, кроме его порядочности или страха перед применением более строгой меры пресечения, принять все меры к тому, чтобы

---

⁶⁹ См.: Мерецкий Н.Е., Мерецкая Н.А., Куликов М.И. Подписка о невыезде и надлежащем поведении: проблемы и пути совершенствования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2017. – № 1 (38). – С. 23; Цоколова О.И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 1. – С. 7.

⁷⁰ Удовиченко В.С. Актуальные проблемы применения подписки о невыезде и надлежащем поведении в современном уголовном процессе // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2013. – № 2 (25). – С. 34.

избежать уголовной ответственности любыми путями»⁷¹. Также Н.А. Колоколов отмечал: «Что касается подписки о невыезде и надлежащем поведении, то в основе ее эффективности лишь «порядочность» обвиняемого. Категория столь же несовершенная, как и многое другое в уголовном судопроизводстве»⁷².

Кроме того, на практике известны частые случаи нарушения условий данной меры пресечения. Так, согласно сообщению пресс-службы Сибирского управления МВД на транспорте от 01 марта 2017 года «транспортные полицейские в Новокузнецке задержали мужчину, который четыре года находился в федеральном розыске за сбыт наркотиков. По данным ведомства, в 2012 году сотрудники Новокузнецкого линейного отдела МВД задержали местного жителя, подозреваемого в незаконном сбыте наркотических средств. При личном досмотре у задержанного нашли пакетик с порошкообразным веществом, которое по результатам проведенного химического исследования оказалось героином. Мужчина стал фигурантом уголовного дела с избранием меры пресечения в виде подписки о невыезде. Однако, нарушив условия нахождения на свободе, он покинул город и был объявлен в федеральный розыск»⁷³. Но приведенный пример вовсе не свидетельствует о неэффективности данной меры пресечения. По нашему мнению, стоит вести речь о том, что в данном случае правоприменителем были неверно выявлены основания для применения подписки о невыезде и надлежащем поведении. В связи с этим полагаем, что подписка о невыезде надлежащем поведении как мера пресечения может привести к желаемому результату, но при условии верного выяснения оснований для ее применения, о чем пойдет речь далее.

Итак, как можно заметить из текста ст. 102 УПК РФ, в этой статье законодатель описывает содержание данной меры пресечения, определяя ее как

---

⁷¹ Тимохин Ю.А. Значение подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю // Российский следователь. – 2012. – № 10. – С. 10.

⁷² Колоколов Н.А. Залог, домашний арест: становление практики (статья 1) // Уголовный процесс. – 2011. – № 11. – С. 12.

⁷³ URL: <http://ria.ru/incidents/20170301/1488991093.html> (дата обращения: 09.03.2017)

письменное обязательство подозреваемого или обвиняемого не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу. Но за данной формулировкой на деле скрывается указание на цели применения мер пресечения, поскольку наблюдается повторение содержания ч. 1 ст. 97 УПК РФ только в иной редакции. Так, указание в п.п. 1 и 2 ст. 102 УПК РФ на обязанность лица не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда и в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд направлено на предотвращение намерения со стороны обвиняемого, подозреваемого скрыться от следствия, дознания или суда. При этом лицо может свободно перемещаться в пределах населенного пункта, где постоянно или временно проживает. Поэтому при принятии решения об избрании к лицу подписки о невыезде и надлежащем поведении правоприменителю следует для начала выяснить, имеет ли обвиняемый, подозреваемый постоянное или временное место жительства. Без соблюдения этого условия применение данной меры не представляется возможным.

Более детального анализа требует указание законодателя на иной образ препятствования производству по уголовному делу. Аналогичную формулировку мы можем наблюдать и в п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Ранее данное положение было нами подвергнуто критике с точки зрения подхода к определению цели деятельности из-за неясности формулировки и допущения расширительного ее толкования. В случае с подпиской о невыезде наблюдается аналогичная ситуация. Видимо, прописывая в п. 3 ст. 102 УПК РФ «иной образ препятствования» законодатель пытался предусмотреть все возможные варианты действий обвиняемого, подозреваемого, которые негативно отразились бы на расследовании преступления, и предотвратить их совершение. Как и в случае с определением целей применения мер пресечения

в общем, так и в данном случае полагаем, что данная формулировка является несовершенной, поскольку остаются открытыми те же вопросы: какие конкретно действия обвиняемого, подозреваемого правоприменитель должен расценивать как препятствующие расследованию; каким образом он должен это оценивать? Кроме того, к непониманию со стороны правоприменителей характера действий обвиняемого, подозреваемого, которые повлекут препятствия при производстве по уголовному делу, добавляется непонимание этого характера и со стороны самого обвиняемого, подозреваемого. В связи с этим возникает вопрос: где та грань, отделяющая действия, препятствующие расследованию уголовного дела от непрепятствующих? Вопрос этот непросто, тем более при условии, что применяя подписку о невыезде и надлежащем поведении, правоприменитель преследует цель предотвратить, как правило, возникновение препятствий для уголовно-процессуальной деятельности в будущем. При этом заранее знать какое именно действие, относящееся к категории «иных» приведет к этому, невозможно. Критически к формулировке ст. 102 УПК РФ относится и Ткачева Н.В. Так, по ее мнению сущность подписки о невыезде и надлежащем поведении «заключается в характере принуждения при ее применении, который проявляется в том, что принуждение способно только лишь предотвратить возможность обвиняемого покинуть место жительства и обеспечивает его явку к следователю, прокурору или в суд. Таким образом, помешать обвиняемому или подозреваемому «иным путем препятствовать производству по уголовному делу» подписка, по нашему мнению, не в состоянии по природе принуждения»⁷⁴. В связи с этим полагаем, что данная статья УПК РФ нуждается в формулировании ее новой редакции, где основное внимание будет уделено не целям применения данной меры, а основаниям для ее применения.

Законодатель прямо не регламентирует основания для избрания подписки о невыезде и надлежащем поведении. Но, тем не менее, данное основание

---

⁷⁴ Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С. 22.

можно вывить путем анализа положений данной статьи. Для этого стоит обратить внимание на обязанности, которые обвиняемый, подозреваемый возлагает на себя, причем по собственной воле. Об этом свидетельствует сама процедура отобрания подписки о невыезде и надлежащем поведении. Как отмечает О.И. Цоколова «подписка о невыезде считается примененной только после отобрания соответствующего обязательства у подозреваемого, обвиняемого»⁷⁵. Аналогичная позиция представлена и в Определении Конституционного суда РФ от 26 января 2010 г. № 66-О-О, где указывается, что «без отобрания у лица, в отношении которого принято решение об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, соответствующего письменного обязательства эта мера не может считаться примененной и влекущей правовые последствия для подозреваемого или обвиняемого»⁷⁶. В тоже время в законодательстве отсутствует механизм принуждения лица к даче подписки о невыезде. В связи с чем, отказ лица дать подписку о невыезде и надлежащем поведении свидетельствует, по мнению Конституционного суда РФ, о том, что «в рамках применения данной меры пресечения не могут быть достигнуты ее цели» и, как следствие, «может повлечь избрание другой, в том числе более строгой, меры пресечения»⁷⁷. Однако, данная позиция не лишена недостатков. Так, согласно ч. 1 ст. 110 УК РФ мера пресечения изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения. Ранее мы выявили, что общим основанием для применения мер пресечения является вывод правоприменителя о намерении обвиняемого, подозреваемого совершить действия, указанные в ст. 97 УПК РФ, а также в случае, когда он уже совершил данные действия. Отсюда вытекает возможность применения к лицу, в отношении которого избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и

---

⁷⁵ Цоколова О.И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 1. – С. 9.

⁷⁶ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 66-О-О // СПС КонсультантПлюс

⁷⁷ См.: Определение Конституционного суда РФ от 22 января 2014 г. N 27-О // СПС КонсультантПлюс

надлежащем поведении, более строгой меры пресечения как следствие нарушения принятых на себя обязательств, т.е. совершение действий, препятствующих процессуальной деятельности. Но в связи с чем считается, что отказ лица от дачи подписки о невыезде и надлежащем поведении дает основания для избрания более строгой меры пресечения? Конституционный суд в Определении № 27-О приходит к такому выводу путем анализа ст.ст. 97, 99 и 102 УПК РФ в совокупности. Но несмотря на это, остается непонятным, по каким причинам Конституционный суд квалифицировал отказ лица от дачи подписки о невыезде и надлежащем поведении как нарушение обязанностей, предусмотренных данной мерой или совершение действий, указанных в ст. 97 УПК РФ. Неужели отказ обвиняемого, подозреваемого поставить свою подпись, говорит о том, что лицо нарушает обязательства, которые даже еще на себя не приняло, или что в этой ситуации говорит правоприменителю о том, что он намеревается, к примеру, скрыться от следствия или каким-либо образом повлиять на ход расследования? Чем при этом руководствуется правоприменитель? Данные вопросы до сих пор остаются открытыми. Получается, что применяя в таком случае более строгую меру пресечения, правоприменитель основывается лишь на собственных предчувствиях, ощущениях, интуиции, а не на конкретных доказательствах, которые привели его к выводу о необходимости применить более строгую меру пресечения, чем подписка о невыезде. Кроме того, не стоит забывать о том, что каждая мера пресечения имеет свои основания для ее применения. Поэтому, если правоприменитель решает вопрос о применении к лицу более строгой меры пресечения, то следует обязательно устанавливать основания для ее применения.

Ранее мы пришли к выводу, что специальным основанием применения мер пресечения являются выявленные ценностные установки лица, т.е. те блага, которых обвиняемый или подозреваемый не желает лишиться или быть ограниченным в их пользовании. В целом данное утверждение

распространяется и на подписку о невыезде и надлежащем поведении. Но, кроме того, существует явление, которое обозначено нами как отношение подозреваемого, обвиняемого к принятому на себя обязательству. Это отношение и является основанием для применения к лицу подписки о невыезде и надлежащем поведении. При этом отношение лица к принятым на себя обязательствам включает в себя ответственное отношение к словам, соответствие слов поступкам. Для данного утверждения есть несколько причин. Во-первых, это добровольный характер принятия подозреваемым, обвиняемым на себя обязанностей. Данный вопрос был рассмотрен выше. Во-вторых, это практически отсутствие механизма контроля за поведением подозреваемого, обвиняемого со стороны органов расследования, в отличие от иных мер пресечения. Например, в случае заключения под стражу гарантия реализации данной меры пресечения заключается в нахождении лица в изоляции от общества, в ограниченности контактов с другими людьми, в постоянном контроле со стороны работников СИЗО, в наличии режима дня. В случае применения домашнего ареста имеется возможность контролировать место нахождения и отслеживать перемещение подозреваемого, обвиняемого при помощи электронных средств. При подписке о невыезде и надлежащем поведении такого нет. Получается, что подозреваемый, обвиняемый самостоятельно осуществляет контроль за своим поведением.

Выше нами были приведены точки зрения авторов, которые в качестве гарантии для применения к лицу подписки о невыезде и надлежащем поведении приводили порядочность лица. По нашему мнению, термин «порядочность» не совсем точно описывает действительное положение вещей, поскольку является довольно размытым и оценочным. Полагаем, что в случае подписки о невыезде гарантировать ее соблюдение, наряду с ответственностью, может страх лица перед применением к нему более строгой меры пресечения в случае несоблюдения принятых на себя обязанностей.

Из вышесказанного следует, что лицо, в отношении которого правоприменитель решает применить данную меру пресечения, должен заслуживать доверия у следователя. Иными словами, правоприменитель, прежде чем принять решение о применении к лицу подписки о невыезде и надлежащем поведении должен прийти к выводу о том, что данное лицо обладает такими качествами и характеристиками, которые свидетельствуют о соблюдении этим лицом принятых на себя обязанностей, следование своим словам.

Вопросу о том, каким образом правоприменитель должен прийти к такому выводу, посвящен следующий параграф.

Таким образом, для применения к лицу меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении правоприменителю необходимо:

- 1) установить наличие у него постоянного или временного места жительства;
- 2) выявить его отношение к принятым на себя обязательствам, которое свидетельствует о том, что он держит данное им слово;
- 3) получить согласие обвиняемого, подозреваемого не применение к нему данной меры пресечения.

При этом перечисленные нами пункты 1 и 3 являются формальными основаниями для применения подписки о невыезде и надлежащем поведении. Содержательным основанием для избрания данной меры пресечения является установленное ответственное отношение лица к принятым на себя обязательствам, соблюдение данных им слов.

2.2. Схема доказывания при избрании подписки о невыезде

Процесс доказывания упоминается в ст. 85 УПК РФ, где говорится, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса.

Это обозначение элементов процесса доказывания, реализация которых во взаимосвязи позволяет устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Но доказывание осуществляется не только для установления обстоятельств прошлого события. При производстве по уголовному делу правоприменитель осуществляет множество процедур и действий, в результате реализации и совершения которых уголовно-процессуальная деятельность наполняется информационным содержанием, одним из примеров которых является избрание в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения. О характеристике и двух этапах данного процесса мы подробно рассказывали в первой главе. Примечательно, что в рамках каждого этапа нами было отмечено о необходимости доказывания: сначала *доказать*, что имеются общие основания для избрания мер пресечения, а затем *доказать*, что имеются основания для применения конкретной меры пресечения. Кроме того, законодатель в ч. 4 ст. 7 УПК РФ говорит о том, что решения следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Исполнение данного требования невозможно без проведения процедуры доказывания. Иными словами, доказывание является неотъемлемой частью процесса избрания меры пресечения.

По отношению к основному процессу доказывания (по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию), доказывание при избрании мер пресечения носит вспомогательный характер, поскольку без реализации цели данного процесса, установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ будет в значительной степени осложнено⁷⁸. Но подход законодателя к определению доказывания, описанный в ст. 85 УПК РФ, затрагивает процесс доказывания при избрании мер пресечения лишь в части. Так, вывод следователя, дознавателя о необходимости применения к лицу той или иной меры пресечения должен основываться на конкретных доказательствах,

---

⁷⁸ Примеры этого были приведены нами в первой главе исследования.

которые появляются в уголовном процессе как раз благодаря доказыванию (путем собирания, проверки и оценки). Но цель доказывания при избрании мер пресечения несколько иная, чем указывает законодатель в ст. 85 УПК РФ. Это объясняется тем, что при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, деятельность правоприменителя носит познавательный характер, поскольку внимание правоприменителя акцентируется на событии прошлого. При избрании мер пресечения выводы правоприменителя носят прогностический характер, но базируются на познании прошлого и настоящего, содержание которых пролонгируется на будущее, поскольку как таковое событие (совершение лицом действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ) еще не произошло, но есть вполне реальная вероятность его наступления. А для того, чтобы имелась возможность сделать такой вывод, должны иметь место соответствующие основания, устанавливаемые в процессе доказывания. Поэтому цель доказывания при избрании мер пресечения заключается в установлении общих и специальных оснований для применения мер пресечения, потому как без наличия оснований для принятия какого-либо процессуального решения данное решение нельзя признать соответствующим требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, что не только является грубым нарушением положений уголовно-процессуального законодательства, но и крайне негативно отразится на реализации целей уголовного процесса в части защиты прав и законных интересов граждан и недопущения произвола.

В свою очередь, процесс доказывания при избрании меры пресечения состоит из определенного числа этапов, которые можно представить как в виде словесного описания, так и в виде графической схемы. Подробно останавливаться на описании схемы доказывания первого этапа, связанного с установлением общих оснований для применения мер пресечения, по нашему мнению, нет необходимости, поскольку данный этап был описан нами в первой главе исследования, более того, на данном этапе результат доказывания

одинаков во всех случаях – вывод о том, что подозреваемый, обвиняемый намеревается совершить действия, предусмотренные ст. 97 УПК РФ. Более детально остановимся на схеме доказывания при избрании такой меры пресечения, как подписка о невыезде, поскольку здесь речь ведется об установлении специального основания для избрания данной меры пресечения.

Итак, ранее нами было выявлено, что для принятия решения о применении к лицу данной меры пресечения необходимо наличие формальных и содержательных оснований, установление которых происходит в определенной последовательности.

Но прежде следует отметить, что в силу особенностей данной меры пресечения, связанной с добровольностью принятия на себя обязательств, от согласия подозреваемого, обвиняемого на применение к нему подписки о невыезде напрямую зависит процедура избрания данной меры пресечения. Бывают случаи, когда лицо по разным причинам отказывается дать свое согласие и вся проделанная правоприменителем работа по установлению формального и содержательного основания оказывается напрасной. Для того, чтобы избежать этого, правоприменителю ничто не препятствует перед тем, как приступить к установлению формального и содержательного основания для избрания подписки о невыезде, поинтересоваться у подозреваемого, обвиняемого о его отношении к возможности применения к нему данной меры пресечения, разъяснить последствия ее применения. Но такое «предварительное согласие» не входит в схему доказывания, оно лишь служит предпосылкой для начала деятельности правоприменителя по установлению оснований для применения данной меры пресечения, «стартовым сигналом» для дальнейших действий.

Непосредственно схема доказывания начинается с установления наличия у подозреваемого, обвиняемого постоянного или временного места жительства (см. Приложение Е).

В свою очередь, установление какого-либо обстоятельства должно начинаться с установления первоисточника информации. В этом вопросе не может быть однозначного решения, в каждом случае такие источники индивидуальны и правоприменитель самостоятельно определяет, какие из них ему необходимы. При этом важно не забывать об условиях допустимости в части требования к источникам доказательств.

Итак, при выяснении наличия или отсутствия у подозреваемого, обвиняемого места жительства источниками информации могут быть, например, лица, знающие, что подозреваемый, обвиняемый проживает в определенном месте. Это могут быть друзья, коллеги, знакомые, члены его семьи. В рамках следственных действий (например, допроса) правоприменитель от данных лиц получает соответствующую информацию и оформляет ее в установленную законом форму (в виде протокола допроса). С этого момента появляется информационное доказательство, которое в будущем будет положено в основу итогового решения правоприменителя.

Но одних показаний лиц недостаточно для того, чтобы прийти к выводу о наличии либо отсутствии у подозреваемого, обвиняемого места жительства. Поэтому данную информацию следует подкрепить информацией, полученной из иных источников, которыми могут выступать государственные органы или органы местного самоуправления, а также коммерческие и некоммерческие организации. В качестве примера можно привести Федеральную миграционную службу РФ⁷⁹, различные управляющие компании, обслуживающие многоквартирные дома или товарищества собственников жилья. Для получения необходимой информации следователем составляются соответствующие запросы⁸⁰, а ответы на них в виде отдельных документов, после приобщения их к материалам дела, становятся новыми информационными доказательствами.

---

⁷⁹ См: Приказ МВД России от 31.12.2017 N 984 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

⁸⁰ См.: ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 28.12.2010 N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

Далее полученная из вышеуказанных источников информация сопоставляется и делается вывод о том, имеет ли подозреваемый, обвиняемый место жительства или нет.

В случае получения отрицательного результата дальнейшая работа по избранию в отношении лица подписки о невыезде и надлежащем поведении не проводится, поскольку отсутствует необходимое формальное основание для применения данной меры пресечения. В этом случае правоприменитель должен устанавливать наличие оснований для избрания иной меры пресечения.

Если же полученная информация приводит правоприменителя к выводу о том, что место жительства все-таки имеется, то начинается следующий этап – установление содержательного основания для применения подписки о невыезде и надлежащем поведении, которым является вывод об ответственном отношении лица к данному им слову.

Схема получения вывода об ответственном отношении лица к данным словам аналогична предыдущему этапу. В данном случае источниками информации могут выступать лица, имеющие тесные связи с подозреваемым, обвиняемым. Это, в первую очередь, члены семьи. Но данные субъекты, в большинстве случаев, имеют заинтересованность в процессе расследования уголовного дела, которая выражается в том, чтобы поспособствовать характеристике их родственника с максимально положительной стороны. Поэтому необходимо выявить иных лиц, хорошо знающих подозреваемого, обвиняемого, и получить от них нужную информацию. Это, по аналогии с предыдущим этапом, могут быть друзья, коллеги, знакомые. От вышеуказанных лиц правоприменитель должен получить сведения о том, какие обещания в разных сферах своего социального взаимодействия давал подозреваемый, обвиняемый, выполнял ли он их, соблюдал ли данное им слово.

Но информация, полученная от этой группы источников информации носит субъективный характер. Для ее проверки, а также для сбора дополнительной информации, следует обратиться к более формальным

носителям информации. Таковыми могут быть официальные документы, например, договоры, расписки. Также могут быть использованы и неофициальные документы, например, письма. Довольно высокий уровень развития информационных технологий позволяет подключать к данному процессу сведения из переписки в социальных сетях и иных Интернет-ресурсах.

Наконец, третьим источником информации об отношении лица к данным им словам, является сам подозреваемый, обвиняемый. Судить об этом правоприменитель может путем анализа поведения и слов подозреваемого, обвиняемого во время следствия.

На основе анализа всей имеющейся информации правоприменителю необходимо составить психологический портрет сидящего перед ним человека и решить, заслуживает ли такое лицо доверия, либо нет. Универсального метода принятия такого решения нет, в каждом конкретном случае должны учитываться индивидуальные особенности подозреваемого, обвиняемого. Могут и должны использоваться различные методы психологии. Именно на данном этапе для правоприменителя важны навыки установления психологического контакта, применение различных техник и тактик не только допроса, но и простого межличностного общения.

Здесь может возникнуть вопрос: по какой причине анализ поведения и слов подозреваемого, обвиняемого поставлен нами в схеме установления содержательного основания для избрания подписки о невыезде и надлежащем поведении на последнее место? Ведь правоприменитель в первую очередь непосредственно взаимодействует именно с подозреваемым, обвиняемым. Ответ на данный вопрос кроется в особенностях общественных отношений, в окружающей лица обстановке, в тех условиях, в которых протекает его общение с правоприменителем. Вряд ли для большинства граждан находиться в центре уголовно-процессуальной деятельности является привычным делом, а нахождение в статусе подозреваемого, обвиняемого явно вызывает страх,

беспокойство и иные негативные чувства и переживания. Иными словами, ситуация, в которую попадает лицо, является для него нетипичной, а иногда пугающей. Все данные факторы оказывают влияние на поведение и сознание такого лица, вследствие чего подозреваемый, обвиняемый может повести себя не так как обычно, например, замкнуться в себе или наоборот, проявлять слишком много активности. Вариант поведения в данном случае зависит от психологических особенностей конкретного лица. Поэтому к оценке поведения подозреваемого, обвиняемого правоприменитель должен относиться с особой осторожностью. И в том случае, когда у него нет сомнений в том, что лицо, хоть и попало в стрессовую для него ситуацию, но, тем не менее, справляется с ней, имеются основания учитывать поведение и слова данного лица при решении вопроса об избрании к нему подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Подводя промежуточный итог, мы получили следующее. При установлении содержательного основания для применения к лицу подписки о невыезде и надлежащем поведении имеются три группы источников: лица, знающие подозреваемого, обвиняемого достаточно хорошо, чтобы судить о его поступках и словах; официальные и неофициальные документы, содержащие сведения о данных лицом обязательствах и их выполнении; поведение и слова подозреваемого, обвиняемого во время предварительного следствия. Далее на основе сопоставления и соотнесения полученной информации правоприменитель делает вывод о том, что лицо либо относится ответственно к данным им словам и соблюдает принятые на себя обязательства, либо этого не делает. При получении отрицательного результата, как и в предыдущем этапе, деятельность по избранию данной меры пресечения прекращается и начинается установление оснований для применения иной меры пресечения. При получении вывода о том, что подозреваемый, обвиняемый все-таки данные им слова соблюдает, правоприменитель переходит к третьему этапу при избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении - получению согласия

подозреваемого, обвиняемого на применение к нему данной меры пресечения (см. Приложение Ж), которое выражается в проставлении своей подписи на соответствующем документе.

Итак, схема доказывания при избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении состоит из трех последовательных этапов.

Итоговый вариант графического образа описанного выше, представлен в Схеме 1 (см. Приложение И).

ГЛАВА III. ИЗБРАНИЕ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ЛИЧНОГО ПОРУЧИТЕЛЬСТВА

3.1. Основания избрания личного поручительства

Личное поручительство – еще одна мера пресечения, избираемая правоприменителем самостоятельно. Некоторые аспекты практического применения данной меры пресечения предусмотрены ст. 103 УПК РФ.

С точки зрения законодателя содержательная составляющая данной меры пресечения «состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 УПК РФ». Далее по тексту закона «в случае невыполнения поручителем своих обязательств на него может быть наложено денежное взыскание в размере до десяти тысяч рублей в порядке, установленном статьей 118 настоящего Кодекса». Как можно заметить, ст. 103 УПК РФ отсылает к предыдущей мере пресечения – подписке о невыезде, с которой имеет определенное отличие, заключающееся в следующем: если в случае избрания лицу подписки о невыезде правоприменитель полагается на добросовестность и честность самого подозреваемого, обвиняемого, которые отражают его отношение к данным им обещаниям, словам, и, таким образом, контроль за действием подозреваемого, обвиняемого ложится на него самого, то при личном поручительстве такой контроль осуществляется опосредованно, путем привлечения третьего лица (поручителя)⁸¹. Таким образом, сущность личного поручительства состоит в обеспечении поручителем выполнения со стороны обвиняемого, подозреваемого его явки по вызовам дознавателя, следователя и в суд, а также соблюдении им запрета на совершение действий, направленных на воспрепятствование производству по уголовному делу.

---

⁸¹ На опосредованность воздействия при применении поручительства указывал и С.П. Ефимичев (См.: Ефимичев С.П. Уголовно-процессуальное принуждение и место мер пресечения в решении задач предварительного расследования. Волгоград, 1987. – С. 30).

Законодатель четко не определил в тексте УПК, что именно должно лежать в основе принятия следователем, дознавателем решения об избрании личного поручительства, ведь на практике избрание этой меры пресечения невозможно без наличия оснований. По нашему мнению, данная основа заключается в характере отношений между подозреваемым, обвиняемым и поручителем. Именно отношения между данными лицами являются содержательным основанием для избрания такой меры пресечения как личное поручительство. Но не любой характер отношений имеет решающее значение, а лишь те отношения, которые взаимно ценны для подозреваемого, обвиняемого и поручителя. Здесь следует несколько слов уделить термину «доверие». На данном этапе интерес представляет «доверие», в смысле основы для отношений поручителя и подозреваемого, обвиняемого, выступающее «связующим звеном» между ними. Данное доверие может вытекать из отношений дружбы, делового партнёрства, родственных отношений и пр. Главное, что между поручителем и подозреваемым, обвиняемым имеется некоторая связь, основанная на взаимном уважении, доверии, и иных положительных чувствах и эмоциях, разрыв которой, как для первого, так и для второго, является нежелательным. Но при этом обвиняемый, подозреваемый и поручитель не во всем равные партнеры. Один из них является ведомым, другой – ведущим. Поручителем может быть только тот, кто пользуется авторитетом. Он должен иметь влияние на сознание и поведение подозреваемого, обвиняемого.

Законодатель не ограничивает поручителя в выборе способа воздействия на подозреваемого, обвиняемого, позволяя ему, тем самым, выбрать необходимый вариант воздействия самостоятельно. В качестве примера В.А. Михайлов относит к ним убеждение, разъяснение, нравственно-психологическое воздействие, воспитание и перевоспитание. По его мнению, «необходимо не только постоянно осуществлять контроль за поведением подозреваемого (обвиняемого), но и оказывать на него активное влияние»⁸².

---

⁸² Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 93, 102.

Если с последним утверждением вполне можно согласиться, то предыдущее высказывание данного автора требует анализа в части указания на воспитание и перевоспитание поручителем обвиняемого, подозреваемого. В связи с этим возникает вопрос: насколько обосновано возлагать на поручителя данную обязанность? Должен ли он это делать в рамках данной меры пресечения и с какой целью?

Термин «перевоспитание», на первый взгляд, относится в большей степени к области социологии или психологии, нежели к юриспруденции. Однако, здесь нет ошибки. «Перевоспитание» на протяжении долгого времени рассматривалось и с точки зрения права. Так, в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года в статье 20 мы можем прочесть буквально следующее: «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных...». Почти аналогичная формулировка содержится и в ст. 43 Уголовного кодекса РФ. Если обратить внимание на данные примеры, то можно сделать вывод, что о перевоспитании возможно говорить тогда, когда к лицу применена такая мера государственного принуждения, как наказание. Но наказание применяется лишь к лицу, признанному виновным в совершении преступления, т.е. когда вынесен обвинительный приговор. Мы же, говоря о личном поручительстве, находимся еще на стадии предварительного расследования. На этом этапе перед правоприменителем стоят совсем иные задачи, нежели перед судом. Его основная цель при решении вопроса о мере пресечения - не пытаться исправить обвиняемого, подозреваемого, не превратить его в законопослушного члена общества, а предотвратить такое поведение с его стороны, которое создавало бы препятствия для расследования уголовного дела. Не должен заниматься вопросом воспитания и перевоспитания обвиняемого, подозреваемого и поручитель. Его функция в рамках данной меры пресечения состоит не в этом, а в том, чтобы в силу своего авторитета, ценности отношений и доверия между ним и обвиняемым, подозреваемым, обеспечивать надлежащее поведение

последнего. В связи с этим вопросы воспитания и перевоспитания обвиняемого, подозреваемого должны решаться за рамками уголовно-процессуальной деятельности, а не при избрании личного поручительства.

Воздействию на сознание подозреваемого, обвиняемого, заставляющее его воздерживаться от совершения нарушений, способствует также угроза применения к поручителю материального взыскания. Складывается ситуация, при которой подозреваемый, обвиняемый понимает, что в случае совершения им противоправных действий, не только пострадает поручитель в материальном плане, но и доверительные отношения с поручителем перестанут быть таковыми. М.А. Чельцов, говоря о природе личного поручительства, отмечал: «Личное поручительство, с ответственностью за него, основано, в сущности, на том, что при уклонении страдает третье лицо – поручитель, обычно связанный с обвиняемым...»⁸³. Аналогичной точки зрения придерживаются и И. Оськина, А. Лупу. По их мнению «личное поручительство основано на том, что в случае нарушения меры пресечения ответственность за эти действия обязанного лица несет не только нарушитель, но и его поручители. Через ответственность поручителей на обвиняемого, подозреваемого либо подсудимого оказывается косвенное моральное воздействие»⁸⁴.

Также в литературе отмечается, что «поручитель может ограничиться только методами морально-психологического воздействия в отношении подозреваемого, обвиняемого. Контролировать поведение последнего он может только путем личного влияния. Применение каких-либо мер принуждения со стороны поручителя считаем недопустимым»⁸⁵. Хотя, по мнению иных авторов, для успешного выполнения поручителями своих обязанностей возможно применение к обвиняемому различных способов воздействия, среди которых отмечены задержание указанного лица и его доставление в органы

---

⁸³ Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 211.

⁸⁴ Оськина И. Лупу А. Господин поручитель // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 40. – С. 5.

⁸⁵ Лиеле А.А. Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве. Рига, 1963. С. 96 - 97.

расследования при попытке скрыться, предотвращение действий, препятствующих производству расследования, и пресечение продолжения преступных действий⁸⁶.

Полагаем, что с последним утверждением нельзя согласиться, поскольку если удержание подозреваемого, обвиняемого от нарушения им требований законодательства возможно лишь путем использования метода физического или психического принуждения, то ни о каких доверительных отношениях между подозреваемым, обвиняемым и поручителем не может быть и речи, в связи с чем, следует констатировать отсутствие основания для избрания данной меры пресечения.

Однако, практические работники не склонны разделять данный подход. Так, согласно результатам анкетирования 71 % опрошенных полагают, что применение поручителем мер принуждения к обвиняемому, подозреваемому свидетельствует о добросовестном выполнении им своих обязанностей (см. Приложение Д). По указанным выше причинам считаем, что данное утверждение не верно, поскольку не соотносится с сутью данной меры пресечения, основой которой является наличие именно доверительных отношений между поручителем и обвиняемым, подозреваемым.

Но поручитель, подозреваемый, обвиняемый – это не просто лица, обладающие уголовно-процессуальным статусом, их отношения выходят за рамки уголовно-процессуальной деятельности, поскольку изначально они формировались и развивались в социальной среде. Эти отношения не регулируются формальными юридическими законами, им свойственна крайняя изменчивость и непостоянность. Как следствие, малейшее событие в жизни способно как укрепить данные отношения, так и разрушить их, что не может отразиться на доверии между подозреваемым, обвиняемым и поручителем. В

---

⁸⁶ См.: Алексеев Н.С. Участие общественности в охране общественного порядка и осуществлении правосудия // Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР. – 1959. – С. 167; Зусь Л.Б. Поручительство общественной организации как мера пресечения в советском уголовном процессе // Правоведение. – 1964. – № 4. – С. 109 -110; Еникеев З.Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа, 1988. С. 14.

последнем случае следует констатировать отсутствие основания для избрания личного поручительства. Но как быть в том случае, если отношения доверия между подозреваемым, обвиняемым и поручителем потерпели крах уже после того, как решение о применении личного поручительства было принято? Одним из вариантов выхода из сложившейся ситуации выступает возможность поручителя отказаться от дальнейшего исполнения своих обязательств. Законодательно данный вопрос не урегулирован, а в юридической литературе неоднократно высказывались мнения о наделении поручителя таким правом. Так, А.А. Чуниха считает необходимым в целях создания процессуальных гарантий свободы волеизъявления лица, выступающего в качестве поручителя, законодательно предусмотреть «право поручителя в любой момент отказаться от принятых на себя обязательств по поручительству»⁸⁷. При этом она не конкретизирует, должен ли поручитель мотивировать отказ от дальнейшего исполнения возложенных на него обязательств. По мнению И.Л. Петрухина, для отказа от своих обязанностей поручитель не обязан ждать, пока обвиняемый предпримет действия, для предупреждения которых была избрана данная мера пресечения. Он считает достаточным для отказа от поручительства «утраты доверия и высокой вероятности ненадлежащего поведения»⁸⁸.

Но, несмотря на то, что в целом, мы склонны разделять данную точку зрения, необходимо обратить внимание на следующее. В приведенном выше утверждении автора утрата доверия и высокая вероятность ненадлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого стоят на одном уровне и являются самостоятельными основаниями для отказа поручителя от своей функции. Полагаем, что это не совсем так. Если поручитель выявил наличие высокой вероятности ненадлежащего поведения со стороны обвиняемого, это свидетельствует об *изначальном* отсутствии между ними доверия, авторитета и

---

⁸⁷ Чуниха А.А. Поручительство в системе мер процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 12.

⁸⁸ Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М.: Наука, 1989. С. 147.

ценности отношений. Иными словами, в таком случае нет содержательного основания для избрания личного поручительства. Но мы говорим об отказе поручителя от своих обязательств. Отказ возможен лишь тогда, когда обязательства уже возникли вследствие принятия следователем решения о применении личного поручительства. Здесь возникает вопрос: если отношений доверия между поручителем и обвиняемым не было, то каким образом правоприменитель принял такое решение? Получается, что оно принято в условиях отсутствия оснований. А с утратой доверия, как основанием для отказа проблем не возникает, поскольку утратить можно лишь то, что существовало в определенный момент в прошлом. И если в случае простой утраты доверия, изначально оно имело место быть (на момент принятия решения об избрании личного поручительства), то со временем, под влиянием различных обстоятельств, оно было утрачено (и не важно произошло то по вине поручителя ли самого обвиняемого, подозреваемого), вследствие чего у обвиняемого, подозреваемого нет стимула соблюдать условия избранной меры пресечения. При высокой вероятности ненадлежащего поведения со стороны обвиняемого, подозреваемого, такого доверия между ним и поручителем вовсе не было, как и основания для применения личного поручительства. Таким образом, высокая степень ненадлежащего поведения со стороны обвиняемого, подозреваемого не может служить самостоятельным основанием для отказа поручителя, а является следствием утраты доверия.

Такая позиция представляется верной, более того, выяснять основания отказа не требуется, поскольку, если поручитель должен будет мотивировать свой отказ, то это будет требовать предоставления доказательств невозможности исполнения взятых на себя обязательств, ведь окончательное процессуальное решение следователь, дознаватель принимает, основываясь на конкретных доказательствах. В этом случае на поручителя будет возложена дополнительная обязанность предоставить подтверждение того, что доверие между ним и подозреваемым, обвиняемым подорвано. Это, по нашему

мнению, выходит далеко за рамки статуса поручителя и не увязывается с его функцией при избрании в отношении лица меры пресечения. Кроме того, представляется затруднительным даже сформулировать обстоятельство, которое будет подлежать установлению, что также делает данный вариант действий нереализуемым. Однако, компромисс в данной ситуации найти можно. Для этого поручитель должен заявить правоприменителю, что в силу определенного стечения обстоятельств, отношения между ним и подозреваемым, обвиняемым подорваны, доверия между ними более не существует, в связи с чем исполнять принятые на себя обязательства не представляется возможным. Предоставления каких-либо иных сведений в подтверждение этого, кроме устного заявления (при этом письменная форма также не исключается) по нашему мнению, не требуется, поскольку столь пристальное внимание правоприменителя к заявлению поручителя об отказе от своей функции не продвинет вперед, а лишь усложнит уголовно-процессуальную деятельность. Кроме того, принуждать или заставлять поручителя осуществлять контроль за обвиняемым, подозреваемым правоприменитель не вправе. Отсюда следует, что в установлении причин отказа лица быть поручителем нет необходимости. Заявленный отказ поручителя является основанием для освобождения лица от данной функции и снятия с него всех соответствующих обязанностей.

Второй вариант – предоставить правоприменителю возможность в случае необходимости заменить одного поручителя на другого. Поскольку человек вовлечен во множество социальных связей, в результате чего контактирует с определенным количеством других людей, то среди них вполне возможно обнаружить еще как минимум, одного лица, способного оказать положительное воздействие на подозреваемого, обвиняемого. Следовательно, если правоприменитель обладает информацией о том, что такое лицо действительно существует, при этом «действующий» поручитель не возражает, то есть все основания для замены поручителя. Но если лица, способного

заменить поручителя нет, то перед правоприменителем встает вопрос о принятии решения об избрании другой меры пресечения (при этом не обязательно более строгой). А в случае, когда подозреваемый, обвиняемый совершил противоправные действия, направленные на препятствование расследованию уголовного дела, то в замене поручителя нет необходимости, поскольку данное обстоятельство влечет за собой выявление оснований для применения иных мер пресечения.

Из сказанного выше следует, что при избрании меры пресечения в виде личного поручительства центральное место в качестве фактора эффективности и результативности применения данной меры пресечения занимает личность поручителя. Н.В. Ткачева отмечает, что «поручителем может быть лицо, имеющее безупречную репутацию, хорошо знающее обвиняемого (подозреваемого), находящееся с ним в таких отношениях, которые позволяют поручителю позитивно воздействовать на него»⁸⁹. Аналогичное мнение высказывают и другие авторы, которые считают, что применению этой меры пресечения должно предшествовать выяснение личных качеств поручителя и его способности оказывать влияние на поведение обвиняемого⁹⁰.

Не только обвиняемый или подозреваемый должен доверять поручителю и наоборот. Немаловажную роль для принятия решения об избрании личного поручительства играет доверие органа предварительного расследования к поручителю. И для того, чтобы правоприменитель доверял поручителю, он должен убедиться в том, что этот поручитель действительно оказывает положительное влияние на обвиняемого, подозреваемого, а это невозможно без установления того, каким человеком является сам поручитель. Здесь в качестве еще одного элемента содержательного основания выступают ценностные установки и доминантный мотив, присущие поведению поручителя. Только в

---

⁸⁹ Ткачева Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России: Монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С. 115.

⁹⁰ См.: Медведева О.В. Залог и поручительство в системе мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997. С. 107; Потехина Е.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как мера пресечения и ее применение следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 51.

том случае, когда эти установки и доминантный мотив будут позитивными, будут характеризовать поручителя с положительной стороны, можно сделать вывод о том, что данное лицо способно оказывать и на других соответствующее влияние. Но одной положительной характеристики поручителя недостаточно. Чтобы утверждать, что поручитель не просто способен, а действительно позитивно влияет на обвиняемого, подозреваемого, необходимо, чтобы те или иные качества поручителя или ситуации, где они проявляются, имели ценность и для обвиняемого, подозреваемого. Таким образом, между поручителем и обвиняемым, подозреваемым должна прослеживаться устойчивая связь, основанная на взаимном уважении, доверии, обоюдной ценности и важности в жизни друг друга.

Вместе с тем может возникнуть вопрос: почему ценностные установки поручителя должны быть исключительно позитивными? Ответ на данный вопрос прост: поручитель, как мы отмечали выше, должен заслуживать доверие не только самого обвиняемого, подозреваемого, но и правоприменителя, что невозможно без наличия у поручителя положительной характеристики. Если отношения поручитель – обвиняемый, подозреваемый вполне допускают, что лицо с негативными, а возможно и с криминальными установками, является авторитетом для обвиняемого, подозреваемого, то в связке поручитель – правоприменитель данный механизм не работает в силу отсутствия доверия к такому лицу. Лицо, принимающее решение о применении личного поручительства должно обладать информацией, что поручитель способен оказать положительными средствами позитивное влияние на обвиняемого⁹¹.

Кроме того, для решения вопроса об эффективности личного поручительства, стоит уделить внимание количеству привлекаемых поручителей, поскольку возникновение «множественности поручителей» прямо вытекает из содержания п. 2 ст. 103 УПК РФ. В юридической литературе сомнения об эффективности привлечения только лишь одного поручителя

---

⁹¹ См.: Барабаш А.С. Подписка о невыезде и другие меры, не требующие для избрания решения суда // Российский юридический журнал. – 2017. – № 1. – С. 117.

высказываются А.Р. Белкиным, по мнению которого «привлечение двух и более поручителей, как это предусматривала ст. 94 УПК РСФСР, более предпочтительно»⁹². Ю.Д. Лившиц полагает, что «личное поручительство является наиболее эффективным, если в деле участвует два поручителя, так как данное количество позволяет: во-первых, наиболее полно и объективно удостовериться в надежности лица, в отношении которого избирается эта мера пресечения; во-вторых, вызывает в нем чувство большей ответственности, нежели ручательство одного человека; в-третьих, реальнее гарантирует его своевременную явку по вызовам дознавателя, следователя или в суд»⁹³. Схожую позицию занимает Е.Г. Васильева, которая считает, что «чем большее количество заслуживающих доверия лиц может поручиться за подозреваемого (обвиняемого), тем больше уверенности, что цели данной меры пресечения будут достигнуты»⁹⁴. Однако, мы не склонны соглашаться с таким подходом. Не во всех случаях количество поручителей будет гарантировать качество исполнения ими своих обязанностей, удерживать обвиняемого, подозреваемого от противоправных действий. Итак, как правоприменителю узнать, сколько поручителей достаточно для того, чтобы подозреваемый, обвиняемый воздерживался от совершения противоправных действий во время расследования уголовного дела? Полагаем, что однозначного ответа на данный вопрос найти нельзя и в число поручителей необходимо определять в каждом конкретном случае отдельно. В качестве примера критерия выбора поручителя И. Оськина, А. Лупу отмечают, что «поручитель должен заслуживать доверие своими личными качествами, авторитетом в обществе, служебным положением»⁹⁵. Однако, особенно в практической деятельности, даже высокое социальное положение вовсе не гарантирует, что желание лица стать поручителем будет реализовано. Так, известны следующие случаи:

---

⁹² См.: Белкин А.Р. «Менее строгие» меры пресечения в уголовном процессе России // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 3. – С. 23 - 24.

⁹³ Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 55.

⁹⁴ См.: Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения: Монография. Уфа, 2003. – С. 103 - 104.

⁹⁵ Оськина И. Лупу А. Господин поручитель // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 40. – С. 6.

подозреваемый в организации нападения на балетмейстера Большого театра Сергея Филина Павел Дмитриченко остался под арестом. Таганский суд Москвы продлил ему срок ареста несмотря на поручительство 30 человек, среди которых были видные деятели культуры и искусства, заслуженные артисты России⁹⁶. Басманный суд Москвы вынес решение об аресте заместителя главы Ростуризма Дмитрия Амунца, обвиняемого по делу о хищении более 28 миллиардов рублей, несмотря на поручительство заместителя министра культуры, заместителя руководителя Ростуризма и четверых руководителей подразделений этого ведомства, главы одного из департаментов Счетной палаты Александра Михайлик и режиссера Никиты Михалкова⁹⁷. А участнику майского митинга на Болотной площади Андрею Барабанову суд продлил срок ареста, несмотря на поручительство депутата Государственной Думы и декана факультета политологии МГУ⁹⁸.

Таким образом, для того, чтобы стать поручителем, лицу недостаточно занимать высокое положение в социальной иерархии, недостаточно обладать властью или быть узнаваемым. Главное – отношения, сложившиеся с обвиняемым, подозреваемым, реальная возможность поручителя оказывать на него положительное влияние. Кроме того нет необходимости привлекать слишком большое число поручителей, так как, еще раз обратим внимание, количество не во всех случаях равнозначно качеству. Следовательно, для реализации целей личного поручительства достаточно наличие и одного поручителя, но имеющего положительное влияние на обвиняемого, подозреваемого, обладающего авторитетом перед ним, что и будет являться гарантией правомерного поведения обвиняемого, подозреваемого.

Итак, сведя все элементы содержательного основания для избрания личного поручительства воедино, мы получим следующее: основой для

---

⁹⁶ URL: <http://www.spbdnevnik.ru/news/2013-04-16/sud-ostavil-tantsora-dmitrichenko-pod-arestom-nesmotrya-na-poruchitelstvo-zvezd/.html> (дата обращения: 09.10.2017)

⁹⁷ URL: <https://lenta.ru/news/2014/10/17/amunz/.html> (дата обращения: 09.10.2017)

⁹⁸ URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2013/03/130301_suspects_stay_under_arrest.html (дата обращения: 09.10.2017)

принятия решения о применении к лицу личного поручительства является наличие отношений между обвиняемым, подозреваемым и поручителем, основанных на взаимном уважении и доверии, ценности данных отношений, авторитете поручителя для обвиняемого, подозреваемого, его возможности оказывать положительное воздействие на поведение и сознание подозреваемого, обвиняемого, что следует из анализа ценностных установок и доминантного мотива поручителя.

Кроме содержательного основания для применения данной меры пресечения, существуют и иные, формальные, основания, без которых применение личного поручительства не представляется возможным. В свете этого не вызывает никаких сомнений, что поручителем может быть лишь дееспособное физическое лицо, достигшее возраста 18 лет⁹⁹. Однако существует мнение о возможности привлечения в качестве поручителя юридического лица¹⁰⁰. Но на данный момент такое предположение не нашло своего отражения в российском законодательстве. Хотя в ряде зарубежных стран наряду с личным поручительством в качестве меры пресечения предусмотрено поручительство организации¹⁰¹. Таким образом, возраст и

---

⁹⁹ При этом необходимо отметить следующее: чтобы быть поручителем, обладать авторитетом для обвиняемого, подозреваемого, лицо должно иметь определенный жизненный опыт, отношения его с обвиняемым, подозреваемым должны просуществовать достаточное время для появления доверия, ценности отношений. В связи с этим 18 – это возраст условный. Его наступление означает лишь то, что юридически человек стал полностью дееспособным со всеми вытекающими из этого последствиями. Но для уголовного процесса это вовсе не означает, что лицо может стать поручителем. В любом случае правоприменитель должен большое внимание уделить личности потенциального поручителя, его отношениям с обвиняемым, подозреваемым. И для того, чтобы убедиться в том, что данный поручитель действительно оказывает положительное влияние на обвиняемого, подозреваемого, необходимо выяснить его ценностные установки и доминантный мотив. Как правило, по достижении лицом 18 лет об этих установках и мотиве судить очень сложно, поскольку психологическое становление и развитие личности в этом возрасте еще активно продолжается, а иногда имеет свойство затягиваться на годы. Кроме того возникает вопрос об авторитете такого поручителя. Ведь авторитет, как отмечалось, предполагает социальную иерархию, одной из составляющей которого является, в том числе и возраст. И довольно сомнительно полагать, что лицо, едва достигшее 18-ти лет, сможет «стоять над» обвиняемым, подозреваемым, и тем более, иметь рычаги воздействия на последнего, что является одним из принципиальнейших факторов для принятия решения об избрании личного поручительства. Следовательно, наступление 18-летнего возраста не гарантирует потенциальному поручителю возможность стать таковым. К каждому случаю выбора поручителя со стороны правоприменителя нужно подходить с внимательностью и учитывать индивидуальные особенности самого «кандидата» в поручители.

¹⁰⁰ См.: Громов В.П., Проценко В.П. Применение мер пресечения на предварительном расследовании и в суде. Краснодар, 2006. – С. 39.

¹⁰¹ См.: ст. 151 УПК Туркменистана; ст. 167 УПК Азербайджанской Республики; ст. 180 УПК Республики Молдова

дееспособность поручителя – это первое формальное основание для применения личного поручительства.

Далее, из п. 2 ст. 103 УПК РФ следует, что при производстве по уголовному делу поручитель может появиться по собственной инициативе с согласия обвиняемого, подозреваемого¹⁰². Отсюда вытекает второе формальное основание для применения личного поручительства – согласие, как поручителя, так и самого обвиняемого, подозреваемого. Данное согласие можно рассмотреть с двух сторон. Так, согласие самого поручителя подчеркивает добровольность и осознанность принятого им решения, поскольку по смыслу норм УПК РФ невозможно привлечь лицо в качестве поручителя при помощи мер принуждения. Такое решение должно быть принято поручителем по собственной воле. С другой стороны, как отмечается в литературе, «согласие обвиняемого (подозреваемого) на избрание личного поручительства подтверждает его доверие поручителю и свидетельствует о главном содержании любой психолого-принудительной меры пресечения - о том, что обвиняемый (подозреваемый) берет на себя моральное обязательство надлежащего поведения, которое поручителем только гарантируется (обеспечивается)»¹⁰³. Иными словами, через согласие подозреваемого, обвиняемого находит свое отражение содержательное основание для применения личного поручительства.

Следующее, что необходимо учитывать при избрании личного поручительства – удаленность проживания поручителя от обвиняемого, подозреваемого. Данное обстоятельство имеет важное значения для практической реализации поручителем своих обязанностей. Чем ближе территориально он находится от обвиняемого, подозреваемого, тем больше

---

¹⁰² При этом возможен вариант, когда поручитель привлекается и по инициативе правоприменителя. Но даже, если лицо самостоятельно изъявило желание стать поручителем обвиняемого, подозреваемого, итоговое решение по этому вопросу принимает правоприменитель.

¹⁰³ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. – С. 139.

имеет возможность оказывать воздействие на его поведение¹⁰⁴. Так, в случае, если обвиняемому, подозреваемому необходимо явиться в органы следствия, то нахождение поручителя в пределах одного населенного пункта с обвиняемым, подозреваемым, будет способствовать осуществлению контроля поручителя за его действиями. Для более эффективной реализации данного механизма высказывается предположение о том, что поручитель в таких случаях должен быть заблаговременно осведомлен о вызове обвиняемого, подозреваемого к следователю, дознавателю¹⁰⁵, которое, по нашему мнению, является вполне обоснованным, а его законодательное закрепление и реализация необходимы для добросовестного и качественного исполнения поручителем своей функции.

И заключительное формальное основание, необходимое для применения личного поручительства – материальное положение поручителя. Данное основание напрямую вытекает из п. 4 ст. 103 УПК РФ, ведь для того, чтобы при необходимости применить к поручителю денежное взыскание, необходимо выяснить, позволяет ли это его материальное положение. И пусть законодатель установил, как может показаться на первый взгляд, не слишком высокий размер материальной ответственности поручителя (до 10 000 рублей), но жизненные обстоятельства в каждом конкретном случае могут сделать данную сумму весьма существенной для поручителя в определенный момент времени.

Как уже было отмечено выше, особенность личного поручительства заключается именно в том, что в случае совершения подозреваемым обвиняемым противоправных действий или невыполнение им требований правоприменителя, негативные последствия претерпевает поручитель путем указанного выше денежного взыскания. Это обусловлено тем, что поручитель добровольно принял на себя обязательство по обеспечению надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого. Следовательно, поведение последнего

---

¹⁰⁴ См.: Барабаш А.С. Подписка о невыезде и другие меры, не требующие для избрания решения суда // Российский юридический журнал. – 2017. – № 1. – С. 119; Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М. 1996. С. 102.

¹⁰⁵ См.: Баландюк О.В. О правовом положении личного поручителя в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. – 2014. – № 13. – С. 12.

не может не отражаться на поручителе. Однако, для того, чтобы подвергнуть поручителя денежному взысканию, необходимо учесть следующее. Наложение денежного взыскания на поручителя - это последствие несоблюдения принятых поручителем на себя обязательств. По мнению Ю.А. Кузавенковой доказательством этого «является установление факта ненадлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого). Ненадлежащее поведение этих лиц может проявляться различными способами. Таковым считается неявка по вызову в назначенный срок. При этом доказательством будет корешок повестки об извещении обвиняемого (подозреваемого) о времени и месте, куда он вызывается, с его распиской. О ненадлежащем поведении лица, подвергнутого мере пресечения, могут свидетельствовать и другие данные»¹⁰⁶.

Исходя из приведенного выше утверждения, следует, что сам факт ненадлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого автоматически означает невыполнение поручителем своих обязательств. Такой подход, на наш взгляд, слишком формален и не учитывает следующее. Во-первых, ненадлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого должно находиться в непосредственной причинно-следственной связи с бездействием поручителя, быть результатом этого, для чего необходимо выяснить, предпринимал ли поручитель какие-либо меры, направленные, скажем, на обеспечение явки подозреваемого, обвиняемого (например, связывался ли с ним, уведомлял ли его о месте, дате и времени явки и пр.). При этом, напомним еще раз, что применять метод принуждения поручитель не может, поскольку это будет свидетельствовать об отсутствии доверительных отношений между ним и обвиняемым, подозреваемым. В случае если перечисленные выше действия поручителя находят свое подтверждение, то следует констатировать надлежащее исполнением им своих обязанностей, даже не смотря на то, что, в конечно счете, обвиняемый, подозреваемый так и не явился. Следовательно, в

---

¹⁰⁶ Кузовенкова Ю.А. Фактические и формальные основания применения денежного взыскания // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 5(71). – С. 191; Кузовенкова Ю.А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара. 2009. С. 15.

таком случае о материальном взыскании с поручителя не может идти речи. О необходимости устанавливать причинно-следственную связь между ненадлежащим поведением обвиняемого, подозреваемого и неисполнением поручителем своих обязанностей говорит и И.Б. Тутынин. Он отметит, что «данный вид нарушений имеет специфическое положение: во-первых, обусловлен неправомерными деяниями, как самого нарушителя, так и деяниями иного лица (подозреваемого, обвиняемого), а во-вторых, обязательно наличие причинной связи между деянием и наступившими последствиями»¹⁰⁷.

Во-вторых, ненадлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого должно произойти по вине поручителя. Однако на практике с установлением вины возникают трудности. По мнению А.В.Смирнова, К.Б. Калиновского данную проблему можно решить «с помощью презумпции виновности поручителя, который освобождается от ответственности, если докажет, что добросовестно выполнял свои обязательства»¹⁰⁸.

Таким образом, при решении вопроса о привлечении поручителя к ответственности недостаточно одного наличия нарушения обвиняемым, подозреваемым меры пресечения. Необходимо установить, что данное нарушение произошло вследствие бездействия поручителя, который не принимал необходимых мер для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого, либо данные меры были малоэффективны.

В идеале вышеописанной ситуации быть не должно, поскольку основа отношений поручителя и обвиняемого, подозреваемого – доверие, ценность этих отношений. Если таковые имеются, то обвиняемый, подозреваемый не станет ставить эти отношения и материальное положение поручителя под угрозу, а будет добросовестно выполнять требования правоприменителя и не будет допускать противоправного поведения. Однако, как было уже отмечено выше, отношения между поручителем и подозреваемым, обвиняемым не

---

¹⁰⁷ Тутынин И.Б. Виды нарушений, влекущие применение денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения // Российская юстиция. – 2017. – № 6. – С. 58.

¹⁰⁸ См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер. 2004. – С. 141.

вписываются в законодательные рамки, а основываются на особенностях социального взаимодействия, психологических, эмоциональных и иных факторах. Поэтому возникновение описанной выше ситуации вполне возможно. И чтобы не причинить поручителю материальный ущерб необоснованно и незаконно, нужно тщательно анализировать ненадлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого, которое (для привлечения поручителя к ответственности) должно быть результатом бездействия или недостаточности предпринятых мер со стороны поручителя.

Итак, наряду с содержательным основанием для применения личного поручительства, имеются формальные основания, которые можно определить как: во-первых, совершеннолетие и дееспособность поручителя; во-вторых, наличие явно выраженного согласия как обвиняемого, подозреваемого, так и самого поручителя; в-третьих, нахождение поручителя вблизи от места жительства обвиняемого, подозреваемого; и, наконец, материальное положение поручителя.

Соединив данные обстоятельства с доверительными отношениями между поручителем и обвиняемым, подозреваемым, взаимной ценности этих отношений, авторитетом поручителя для обвиняемого, подозреваемого, а также с положительными ценностными установками поручителя, в конечном итоге мы получим одно сложносоставное основание для применения к лицу личного поручительства.

3.2. Схема доказывания наличия оснований для избрания личного поручительства

Построение схемы доказывания при избрании личного поручительства начнем с подробного описания установления формальных оснований. На то есть несколько причин. Во-первых, установление формальных оснований не требует слишком много времени и иных ресурсов, процедура их установление

не представляет особых затруднений. Во-вторых, от наличия или отсутствия формальных оснований зависит необходимость установления содержательного основания. Например, какой смысл устанавливать характер отношений между поручителем и обвиняемым, его авторитет, если этот потенциальный поручитель, скажем, проживает в другом городе, что делает физически невозможным осуществление им своих обязанностей, или, сам не желает становиться поручителем? Кроме того, установление содержательного основания требует особого внимания, занимает определенное время и расходует достаточно много ресурсов, которые, при последующем выяснении отсутствия хотя бы одного из формальных оснований, окажутся потраченными напрасно. Таким образом, сначала устанавливаются формальные основания для избрания личного поручительства, перечисленные нами в предыдущем параграфе.

При этом может показаться, что последовательности при их установлении не имеется. Но это не совсем так. Эта последовательность выводится не из законодательства, а путем логических рассуждений исходя из практической целесообразности.

Итак, первое формальное основание, подлежащее установлению – возраст и дееспособность поручителя. По нашему мнению, следует начать именно с этого основания, поскольку в зависимости от данных обстоятельств решается вопрос о способности лица в рамках правоотношений в принципе совершать какие-либо действия, влекущие за собой юридические последствия. С точки зрения процедуры с установлением возраста потенциального поручителя не возникает проблем. Достаточно проверить документ, удостоверяющий его личность (паспорт, водительское удостоверение и пр.). Что касается дееспособности (по смыслу гражданского законодательства), то при личной беседе с поручителем правоприменитель вполне может самостоятельно оценить психическое состояние поручителя. В случае возникновения сомнений, правоприменитель всегда может запросить соответствующие сведения из медицинских организаций. Когда правоприменитель обладает информацией о

том, что лицо, желающее стать поручителем, является совершеннолетним¹⁰⁹, а также не имеется сведений о наличии обстоятельств, препятствующих осознанию им фактического характера и последствий своих действий, то следует перейти к установлению следующего формального основания – согласия на применение личного поручительства. Стоит не забывать, что такое согласие выясняется не только у поручителя, но и у обвиняемого, подозреваемого.

Установление согласия не представляет никакой сложности. Достаточно лишь задать необходимые вопросы и получить на них соответствующие ответы, а также разъяснить сущность данной меры пресечения и последствия ее нарушения. Здесь также стоит отметить, что, как и в случае с подпиской о невыезде, согласие поручителя носит «предварительный» характер. Окончательно поручитель соглашается на принятие на себя соответствующих обязанностей при проставлении своей подписи на официальных документах. Если же согласие указанных лиц получить не удалось, то имеет смысл рассмотреть вопрос об основаниях выбора иной меры пресечения¹¹⁰.

Когда согласие поручителя и обвиняемого, подозреваемого получено, переходим к установлению удаленности места проживания поручителя от обвиняемого, подозреваемого. Данную информацию можно получить из различных документов (паспорт, справка о месте жительства). Возможно привлечь иных лиц, которые могут подтвердить фактическое место проживания поручителя, а также спросить об этом самого поручителя. Аналогичным образом устанавливается и место жительства самого обвиняемого, подозреваемого. Соотнеся полученную информацию о месте жительства поручителя, необходимо определить, насколько далеко территориально поручитель обычно находится от обвиняемого, подозреваемого. На основе сопоставления места жительства поручителя и обвиняемого, подозреваемого

---

¹⁰⁹ Рассуждения по данному поводу были изложены в предыдущем параграфе

¹¹⁰ Во избежание повторов на каждом этапе описания схемы доказывания, мы исходим из следующего: при отсутствии того или иного основания для избрания личного поручительства, правоприменителю необходимо устанавливать основания для применения иной меры пресечения.

правоприменитель делает соответствующий вывод, который позволяет либо не позволяет (в случае, например, проживания поручителя и обвиняемого, подозреваемого в разных городах) двигаться дальше.

И, наконец, последнее формальное основание – материальное положение поручителя, которое имеет значение при решении вопроса о применении к поручителю мер имущественного характера в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им своих обязанностей.

Установить материальное положение поручителя также не представляется затруднительным. Соответствующую информацию можно получить от самого поручителя. Для подтверждения его слов можно попросить его самого предоставить документы, либо запросить их у работодателя поручителя. Такими документами могут быть, например, справка о сумме заработка, трудовой договор, расчетные листы, где будет указан размер его заработка. В случае, если потенциальный поручитель получает меры государственной социальной поддержки (субсидии, пособия иные виды выплат), то имеется возможность запросить данную информацию у соответствующих государственных органов или органов местного самоуправления. При определении материального положения стоит также учитывать и имущественные расходы, совершенные поручителем. Например, от самого поручителя мы можем получить информацию о том, что недавно им был оформлен кредит в одном из банков, и теперь основная часть его дохода направлена на возврат долга, или он совершил какую-либо крупную покупку. Слова поручителя при необходимости могут быть проверены показаниями иных лиц, хорошо знающих поручителя, документами, запрошенными в соответствующих организациях или органах. Соотнеся полученную информацию правоприменитель должен сделать вывод о финансовом состоянии поручителя, определить, позволяет ли оно в случае применения к поручителю денежного взыскания, его выплатить.

Материальное положение поручителя необходимо точно устанавливать именно на момент принятия решения о применении к лицу личного поручительства. Несмотря на то, что правоприменителю, может, и не понадобится применять к нему мер денежного взыскания, но он должен быть уверен, что поручитель окажется способным выплатить указанную в законе сумму. Не исключена ситуация, когда на момент принятия решения о применении личного поручительства материальное положение поручителя было удовлетворительным, а затем (уже после избрания в отношении лица личного поручительства), в силу различного рода обстоятельств, изменилось в худшую сторону. В этом случае стоит поднять вопрос о возможности замены поручителя или избрания иной меры пресечения.

Итак, выше была описана схема установления формальных оснований для применения личного поручительства. Каждое из представленных оснований устанавливается отдельно и поэтапно. Отсутствие хотя бы одного из них не позволяет правоприменителю переходить на следующий уровень. Более того, вышеуказанные основания логически вытекают одно из другого, чем и объясняется представленная нами последовательность установления формальных оснований личного поручительства. В Приложении К представлено графическое изображение описанной выше схемы

Немного сложнее ситуация обстоит с установлением содержательного основания. Так, о ценности отношений между обвиняемым, подозреваемым и поручителем правоприменитель может судить лишь после подробного анализа информации как об одном, так и другом. Но для начала правоприменитель должен определить, что представляет из себя лицо, желающее стать поручителем. Для этого необходимо выявить его ценностные установки и доминантный мотив. Данное обстоятельство необходимо не только для характеристики поручителя, но и для решения вопроса об оказании поручителем на обвиняемого, подозреваемого положительного влияния.

Итак, установление доминантного мотива происходит по следующей схеме. Как уже было отмечено нами не раз, человек не находится в вакууме, он постоянно контактирует с другими людьми, постоянно оказывается в каких-либо жизненных ситуациях, совершает какие-либо действия, где проявляет себя по-разному. Иными словами, человек не может существовать не осуществляя никакой деятельности, которая, в свою очередь, всегда обусловлена каким-либо мотивом. Для выяснения доминантного, преобладающего в поведении человека мотива, необходимо проанализировать наиболее значимые в его жизни события или ситуации. Посмотреть, каким образом он себя проявлял в тех или иных, что двигало им в том или ином случае. Таким образом выясняется мотив единичной жизненной ситуации (см. Приложение Л). Если при доказывании оснований для применения подписке о невыезде мы оперировали терминами «источник/носитель информации», которыми выступали либо реальные объекты, либо люди, то в данном случае информацию о мотиве поручителя мы получаем исходя из анализа его поведения, а точнее поступков. Если представить это в графическом виде, то получится примерно следующее (см. Приложение М).

При этом необходимо иметь в виду следующее: в жизни данная схема разворачивается с точностью наоборот, поскольку в основе поступков человека лежит потребность, являющаяся побудителем к деятельности и задающая ее направление, и которая осознанно, либо неосознанно оформляется в мотив. Но поскольку правоприменитель работает с событиями прошлого, в ретроспективе, то исследуется то, что оставило следы, каким-то образом отразилось в действительности в прошлом, т.е. конкретные поступки человека.

Но выявить мотив исходя из какой-либо одной ситуации недостаточно. Для установления доминантного мотива необходимо проанализировать несколько наиболее ярких момента в жизни поручителя, где он проявил себя наибольшим образом. Из каждой проанализированной ситуации выясняется мотив, а затем происходит сопоставление этих мотивов между собой. На основе

данного сравнения можно выявить преобладающий. Например, в нескольких жизненных ситуациях человек повел себя как чересчур бережливый в материальном плане, даже жадный, видно, что им двигала жажда наживы. Отсюда будет следовать вывод, что доминантным мотивом такого человека является стремление к получению большей выгоды. Как выглядит схема установления доминантного мотива, смотрите в Приложении М.

Доминантный мотив деятельности поручителя дает правоприменителю возможность сделать вывод о его ценностных установках. Для того, чтобы установить ценностные установки в принципе, необходимо детально анализировать человека, его поступки, искать его проявления в тех или иных ситуациях. Но это все уже сделано правоприменителем при установлении доминантного мотива. Нет необходимости осуществлять анализ одного и того же повторно.

Судя по характеру доминантного мотива, можно ответить на вопрос: каковы ценностные установки поручителя: положительные или отрицательные и в какой степени? Например, если правоприменитель пришел к выводу, что основным мотивом, который движет потенциальным поручителем, является стремление к личной выгоде, то ценностная установка такого лица сводится к чрезмерному богатству, накопительству. Данная ценностная установка не является положительной. Желание приобрести нечто материальное, что способно обеспечить достойный уровень проживания не только в настоящем, но и для будущих поколений вполне приемлемо. Но когда данное желание перерастает в алчность, жадность, что явно не с лучшей стороны характеризует человека, то рассмотрение его кандидатуры на место поручителя, который должен заслуживать доверие и положительно влиять на обвиняемого, подозреваемого, сводится на нет. Лицо, не обладающее положительными качествами, вряд ли способно подать положительный пример другим.

И иная ситуация, когда было установлено, что поручитель в своей жизни, в основном, руководствуется желанием всячески оказывать, в пределах своих

сил, помощь и содействие нуждающимся в этом. Для такого человека крайне важны отношения с другими людьми и проявление заботы об окружающих. Данная ценностная установка явно имеет положительный характер, а лицо, обладающее ею, вполне может распространить свой образ действий на других людей, т.е. оказать положительное влияние.

Для того, чтобы стать поручителем, лицо должно обладать именно положительными ценностными установками. Для чего это необходимо, мы подробно рассматривали в предыдущем параграфе. Кратко сформулировать назначение положительных ценностных установок можно так: оказание положительного воздействия на обвиняемого подозреваемого, с целью предотвращения совершения им противоправных действий, а также формирование доверия к поручителю со стороны следователя, дознавателя, без наличия которого данная мера пресечения не может быть избрана. Все вышесказанное можно представить в виде графической схемы (см. Приложение Н).

Но так же, как и в предыдущем случае, с доминантным мотивом, при установлении ценностной установки, правоприменитель должен действовать методом «от обратного». В основе поведения человека лежит ценностная установка, которая формируется в различных условиях и в следствие различных причин. Эта ценностная установка задает мотив деятельности. А затем мотив непосредственно проявляется в конкретных поступках человека. То есть представленная ниже схема в жизни снова разворачивается с точностью до наоборот. Но особенности познавательного процесса позволяют на первом этапе ориентироваться на нечто материальное или то, что каким-либо образом проявило себя во вне, а затем, двигаясь на более высокие уровни, установить нечто абстрактное, т.е. ценностную установку.

Выше мы отметили, что положительная ценностная установка необходима для установления влияния на обвиняемого, подозреваемого. Но одной лишь установки недостаточно. Человек может характеризоваться

положительно, обладать редкими качествами, но в то же время не оказывать никакого позитивного воздействия на другое лицо. Для того, чтобы утверждать о том, что поручитель действительно оказывал положительное воздействие на обвиняемого, подозреваемого, и будет продолжать оказывать, необходимо проанализировать жизненные моменты, эпизоды обвиняемого, подозреваемого, в которых так или иначе участвовал поручитель, т.е. общие моменты жизни данных лиц. Выяснить данные моменты можно у самого обвиняемого, подозреваемого, а также поручителя. В дополнение можно привлечь иных лиц, обладающих необходимой информацией. Не исключается также учет и письменных источников (официальных или неофициальных документов). В этих эпизодах необходимо искать непосредственно те моменты, когда вследствие действий или даже слов поручителя, обвиняемый, подозреваемый изменил свое поведение в лучшую сторону. Данная схема позволяет определить не только положительное воздействие поручителя на обвиняемого, подозреваемого, но и взаимную ценность не только общих эпизодов, но и ценность отношений поручителя и обвиняемого, подозреваемого. Ведь поручитель не может оказать положительное влияние на обвиняемого, подозреваемого, если отношения между ними им безразличны (см. Приложение П).

На этом этапе заканчивается установление оснований для избрания личного поручительства. В случае, когда все описанные выше элементы установлены, можно утверждать о действительной возможности применения к лицу меры пресечения в виде личного поручительства.

Поскольку схема доказывания избрания данной меры пресечения слишком объемна, то в итоговой схеме можно отразить все основания, которые нужно установить для избрания личного поручительства, (см. Приложение Р), учитывая, что все необходимые уровни доказывания при установлении отдельных элементов данных оснований пройдены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенному исследованию, кратко сформулируем основные положения.

Уголовный процесс с точки зрения деятельностного подхода, как и любая деятельность, имеет свои цели. Целями уголовного процесса являются установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, а также недопущение произвола со стороны органов предварительного расследования и суда. При этом уголовно-процессуальная деятельность состоит из множества процессуальных и следственных действий, цель проведения которых сонаправлена цели уголовного процесса, достижение данных целей позволяет достичь цели уголовного процесса в целом. Одним из таких процессуальных действий является избрание в отношении лица меры пресечения, цель которого предотвратить со стороны обвиняемого, подозреваемого совершения действий, перечисленных в п. 1 ст. 97 УПК РФ. Данная цель сформулирована из назначения мер пресечения в уголовном процессе, которое заключается в устранении препятствий для расследования уголовного дела, возникающих вследствие совершения обвиняемым, подозреваемым действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. При этом назначение меры пресечения первично. Его выявление и обозначение позволяет формулировать цели избрания меры пресечения.

При анализе п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, как нормы, регламентирующей цель избрания меры пресечения, были выявлены некоторые недостатки юридической техники. Так, было обращено внимание на некорректность формулировки в части указания на «иной способ воспрепятствования производству по уголовному делу», которое, по нашему мнению, является излишним.

Кроме того, в рамках этого же пункта ст. 97 УПК РФ следует отметить, что воздействие со стороны обвиняемого, подозреваемого на доказательства

исключено или в некоторых случаях крайне затруднительно, в отличие от воздействия на носитель/источник следа преступления.

В связи с вышеизложенным нами была разработана формулировка данного пункта, устраняющая выявленные недочеты: «оказать воздействие на источник и (или) носитель следа преступления, с целью искажения или потери информации, которая от них может быть получена, а также на иных участников уголовного судопроизводства, содействующих получению необходимых доказательств».

Решение правоприменителя об избрании меры пресечения – это решение процессуальное. Для подозреваемого, обвиняемого данное решение имеет последствия в виде определенного ограничения, ущемления его прав и свобод. Подобное посягательство на права человека, несомненно, должно быть оправданным и необходимым, а самое главное - иметь под собой веские основания. В практической деятельности (что подтверждается результатами проведенного эмпирического исследования) следователи, дознаватели, и даже суд, не всегда имеют представление об основаниях избрания мер пресечения, а предпочитают ограничиться простым перечислением обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, которые непонятным образом приводят их к выводу о том, что лицо может совершить действия, предусмотренные п. 1 ст. 97 УПК РФ. Такой подход к осуществлению деятельности и принятию процессуальных решений, ограничивающих права человека является недопустимым. В каждом конкретном случае необходимо выяснять, имеются ли основания для применения к лицу меры пресечения. Данные основания вытекают из анализа собранных доказательств. То есть решение об избрании меры пресечения основывается на результате процессе доказывания.

Чтобы применить ту или иную меру пресечения, правоприменитель должен ответить на два вопроса: есть ли основания для применения меры пресечения к данному лицу в принципе? И в случае утвердительного ответа решить следующий вопрос: какую конкретно из предложенных законодателем

в ст. 98 УПК РФ мер пресечения необходимо применить в данном случае? Основанием для принятия первого решения является логический вывод правоприменителя о том, что лицо действительно намерено совершить одно из указанных в ст. 97 УПК РФ действий. Основанием же для применения конкретной меры пресечения является вывод правоприменителя о том, что конкретное благо, которое ограничивается той или иной мерой пресечения, для подозреваемого, обвиняемого имеет важную ценность, и нежелание лишиться данного блага будет удерживать подозреваемого, обвиняемого от совершения действий, предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Такова общая модель процесса избрания меры пресечения.

Спроецировав вышеуказанную модель на подписку о невыезде, мы сталкиваемся с вопросом определения основания для избрания данной меры пресечения. В результате анализа теоретических положений, а также логических рассуждений было выявлено, что содержательным основанием для избрания подписки о невыезде является ответственное отношение обвиняемого, подозреваемого к данным им словам, к принятым на себя обязательствам. Подобный подход был принят правоприменителями, о чем свидетельствуют результаты анкетирования и опросов, но на практике он не реализуется. Правоприменители продолжают ставить во главу угла тяжесть совершенного преступления, а также данные о личности, даже не смотря на высокий процент нарушений избранной таким способом меры пресечения.

К формальным основаниям данной меры пресечения относятся наличие у обвиняемого, подозреваемого места жительства, а также получение его согласия на применение к нему данной меры пресечения.

Кроме того, нами были не только сформулированы конкретные основания для избрания подписки о невыезде, но и представлена подробная схема доказывания или установления данных оснований. Практически это пошаговая инструкция для правоприменителей, которая направлена на содействие в принятии верного и обоснованного решения.

Общий принцип работы со схемой доказывания на первом уровне представляет собой поиск, установление и работу с носителями/источниками информации. На втором уровне от данных источников/носителей получается необходимая информация, которая подлежит соотнесению и анализу. И на третьем уровне в результате проведенной мыслительной и практической деятельности получается логический вывод о наличии или отсутствии того или иного основания.

При непосредственном решении вопроса об избрании подписки о невыезде на первом этапе берется предварительное согласие обвиняемого, подозреваемого на применение к нему подписки о невыезде, разъясняется сущность данной меры пресечения, а также последствия ее нарушения.

После выясняется наличие у обвиняемого, подозреваемого постоянного или временного места жительства. Отсутствие такового влечет за собой невозможность применения к нему данной меры пресечения.

Затем устанавливается содержательное основание данной меры пресечения.

И на заключительном этапе от обвиняемого, подозреваемого берется окончательное согласие на применение к нему подписки о невыезде, которое заключается в проставлении им подписи на соответствующем бланке.

Специальное основание для избрания личного поручительства намного сложнее по своей структуре. Так, к формальным основаниям данной меры пресечения относятся: возраст и дееспособность поручителя; согласие обвиняемого, подозреваемого и поручителя на применение данной меры пресечения; близкое место проживания поручителя от обвиняемого, подозреваемого; материальное положение поручителя.

В структуру содержательного основания личного поручительства в силу специфики данной меры пресечения, которая заключается в тесной связи между обвиняемым, подозреваемым и поручителем, входят: положительные доминантный мотив и ценностные установки поручителя, установление

которых необходимо для решения вопроса о доверии к нему со стороны органов расследования; положительное влияние поручителя на обвиняемого, подозреваемого; взаимная ценность отношений между обвиняемым, подозреваемым и поручителем.

Установление данных оснований происходит отдельно, но в представленной выше последовательности на основе указанных выше общих принципов работы со схемой доказывания.

Таковы основные положения проведенного исследования. Но кроме главных задач, решались и второстепенные задачи, которые возникали непосредственно в процессе проведения исследования.

При анализе личного поручительства было обращено внимание на вопрос о допустимости применения со стороны поручителя мер принуждения к обвиняемому, подозреваемому. Исходя из того, что данная мера пресечения основана на доверительных отношениях между данными лицами, нами был сделан вывод о том, что если применение мер принуждения для поручителя является вынужденным, то следует констатировать отсутствие оснований для избрания данной меры пресечения, что влечет за собой избрание иной меры пресечения. Однако, результаты анкетирования и опроса правоприменителей дали противоположный результат. В представлении практических работников применение поручителем мер принуждения к обвиняемому, подозреваемому свидетельствует о добросовестном исполнении им своих обязанностей, что по нашему мнению, является заблуждением.

Таким образом, в результате проведенного исследования были решены все поставленные задачи, а также достигнута цель научного исследования, поскольку была разработана и обоснована теоретическая модель процесса избрания меры пресечения, которая, в случае реализации ее в практической деятельности, позволит правоприменителям лучше понять многие аспекты данного процесса, а также будет содействовать принятию обоснованных и законных решений об избрании меры пресечения. Также предложенные нами

отдельные теоретические положения, связанные с выявленными несовершенствами уголовно-процессуального законодательства, в случае их реализации, приведут к устранению данных законотворческих ошибок, а также повысят качество не только закона, но и правоприменительной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – N 31. – ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – N 52 (ч. I). – ст. 4921.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. – 10.06.2002. – N 23. – ст. 2102.
4. Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 03.01.2011. – N 1. – ст. 15.
5. Приказ МВД России от 31.12.2017 N 984 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» (Зарегистрирован в Минюсте России 05.04.2018 N 50635).

Монографии

1. Барабаш, А.С. Основной, дополнительные и вспомогательные процессы доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 272 с.

2. Капинус, Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. – М.: Издательский дом «Буквоед», 2007. – 416 с.
3. Меры пресечения в Российском уголовном процессе: монография / Ассоциация российских работников правоохранительных органов; Ассоциация российских работников правоохранительных органов. – 1996. – 299 с.
4. Рыжаков, А.П. Меры пресечения: монография / Москва: Филинь, 1997. – 175 с.
5. Токарева, М. Е., Буланова Н. В. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам: монография / Москва: Юрлитинформ, 2005. – 180 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Белоусов А. Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Е. Белоусов. – М., 1995. – 18 с.
2. Кузовенкова, Ю.А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Ю.А. Кузовенкова. – Самара, 2009. – 43 с.
3. Кухта, А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / А.А. Кухта. – Н. Новгород, 2010.
4. Савгирова, Н.М. Проблемы мер пресечения в уголовном процессе: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / Н. М. Савгирова. - Екатеринбург, 1991. – 42 с.

Научная и учебная литература

1. Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : история, современность, проблемы; под ред. В. З. Лукашевича. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. - 562 с.
2. Александров, А.С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе / А.С. Александров // Уголовный процесс. – 2012. № 6. – С. 66–73.
3. Александров, А.С. Состязательность и объективная истина / А.С. Александров // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 3(4). – С. 142–157.
4. Айсина, А.Т. Задержание отдельных категорий лиц в уголовном процессе России / А.Т. Айсина // Мир юридической науки. – 2010. – № 8. – С. 80-84.
5. Баев, О.Я. Основы криминалистики: курс лекций / О.Я. Баев. – М, 2009. – 288 с.
6. Баландюк, О.В. О правовом положении личного поручителя в уголовном судопроизводстве/ О.В. Бадалюк // Российский следователь. – 2014. – № 13. – С. 10-14.
7. Барабаш, А.С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание / А.С. Барабаш // Российский юридический журнал. – 2016. – № 4. – С. 117-131.
8. Барабаш, А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе / А.С. Барабаш // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 184-190.
9. Бедняков, И.Л. Проблемы правового регулирования залога в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современное состояние / И.Л. Бедняков // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6. – С. 1202-1207.

10. Безлепкии, Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б.Т. Безлепкии. – М, 2002. – 688 с.
11. Белкин, А. Р. «Менее строгие» меры пресечения в уголовном процессе России / А.Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 3. – С. 22-26.
12. Белкин, А.Р. Общие вопросы избрания мер пресечения в уголовном процессе России / А.Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 2. – С. 27-30.
13. Боташев, Р.А. Проблемы совершенствования процессуального порядка заключения под стражу в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения / Р.А. Боташев // Общество и право. – 2010. – № 3 (30). – С. 200-204.
14. Брестер, А.А. Цель уголовного процесса и ее значение для определения метода уголовно-процессуальной деятельности / А.А. Брестер // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 1.– С. 74-82.
15. Булатов, Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве / Б. Б. Булатов. – Омск, 2003. – 320 с.
16. Булатов Б.Б. Обязательство о явке / Б.Б. Булатов // Российский следователь. – 2003. – № 5. – С. 2-6.
17. Булатов, Б.Б., Николюк, В.В. Меры уголовно-процессуального принуждения / Б.Б. Булатов, В.В. Николюк. – М., 2003. – 180 с.
18. Васильев, А.Н. Тактика отдельных следственных действий / А.Н. Васильев. – М, 1981. – 112 с.
19. Воронин, О. В. Применение мер процессуального принуждения в стадии исполнения приговора / О. В. Воронин // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 30 / под ред. М. К. Свиридова. – Томск, 2006. – С. 177–178.

20. Воронцова, Н. Основания применения мер пресечения по УПК РФ / Н. Воронцова // Российский следователь. – 2002. – № 9. – С. 35-39.
21. Воскобитова, Л.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий / Л.А. Воскобитова. – М, 2015 – 912 с.
22. Гайнов, И.Д. Сравнительно-правовой анализ механизма реализации мер уголовно-процессуального принуждения, связанных с содержанием подозреваемого, обвиняемого под стражей в некоторых зарубежных государствах/ И.Д. Гайнов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 8. – С. 60-65.
23. Головинская, И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения / И.В. Головинская // Современное право. – 2016 . – № 3. – С.90-96.
24. Гуткин, И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе / И.М. Гуткин. – М, 1963. – 43 с.
25. Доброхотов, А.Л. Цель. — 2-е изд., испр. и допол. / А.Л. Доброхотов. – М.: Мысль, 2010. - 480 с.
26. Дымов, Г.А. Современные тенденции избрания мер уголовно-процессуального пресечения, не связанных с лишением или ограничением свободы / Г.А. Дымов // Российский следователь. – 2012. – № 6. – С. 7-8.
27. Зажицкий, В.И. Истина и средства ее установления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ: теоретико-правовой анализ / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 67-74.
28. Закотянская, А.Ф. Европейские стандарты защиты прав личности при обжаловании и пересмотре судебных решений о применении мер пресечения / А.Ф. Закотянская // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11. – С. 262-267.

29. Зусь, Л.Б. Поручительство общественной организации как мера пресечения в советском уголовном процессе/ Л.Б. Зусь // Правоведение. – 1964. – № 4. – С. 107 -112.
30. Иванов, Э.И. Понятие юридической обязанности / Э.И. Иванов // Марийский юридический вестник. – 2012. – № 9.. – С. 124-131.
31. Калиновский, К.Б. Система мер пресечения в российском уголовном процессе: современные проблемы и исторический опыт / К.Б. Калиновский // Следователь. – 2015. – № 2. – С. 15-17.
32. Карцева, А.И. К вопросу о классификации оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу / А.И. Карцева // Общество и право. – 2008. – № 3. – С. 229-232.
33. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – М.: Изд-во АН СССР. 1958. – 185 с.
34. Киреев, М.П., Попов, А.П. Соотношение понятий «цели уголовного процесса» и «цели уголовного наказания» / М.П. Киреев, А.П. Попов // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 1. – С. 17-19.
35. Колоколов, Н.А. Залог, домашний арест: становление практики (статья 1) / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2011. – № 11. – С. 66-73.
36. Кокорева, Л.В. Процессуальное значение оснований и цели применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве / Л.В. Кокорева // Вестник экономической безопасности. – 2016. – №1.– С. 103-107.
37. Корневский, Ю.В. Доказывание в уголовном процессе (закон, теория, практика) / Ю.В. Корневский // Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. – М.: Юристъ, 2000. – 272 с.
38. Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов, 1978. – 136 с.

39. Кузовенкова, Ю.А. Фактические и формальные основания применения денежного взыскания / Ю.А. Кузовенкова // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 5(71). – С. 189-195.
40. Кудин, Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф.М. Кудин. – Красноярск, 1985. – 136 с.
41. Кудинов, Л. Больше внимания законности предварительного заключения под стражу / Л. Кудин // Советская юстиция. –1982. – № 4. – С. 15.
42. Лисицин, Р.Д. Требуют ли нормы международного права согласия подозреваемого или обвиняемого на применение меры пресечения, не связанной с лишением свободы? / Р.Д. Лисицин // Адвокат. – 2013. – № 1. – С. 20-23.
43. Лычкина, Е.С. Понятие достаточных оснований при избрании меры пресечения / Е.С. Лычкина // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 3. – С. 57-62.
44. Мазюк, Р.В. О продолжительности процессуального статуса подозреваемого в случае применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения/ Р.В. Мазюк // Российский следователь. – 2013. – № 11. – С.17-20
45. Манова, Н.С., Шестерикова, А.И. О соотношении оснований и целей применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве / Н.С. Манова, А.И. Шестерикова // Право. Законодательство. Личность. – 2014. – № 2 (19). – С. 59-63.
46. Маслова, З.Г. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого как процессуальная обязанность лиц, производящих расследование / З.Г. Маслова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2012. – № 1 (33). – С.262-264.
47. Маслова, З.Г. Ненадлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого, как основная цель применения меры пресечения / З.Г. Маслова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 113-115.

48. Мельников, В.Ю. Применение мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых / В.Ю. Мельников // Рос. судья. – 2007. – № 7. – С. 64-68.
49. Мерецкий, Н.Е., Мерецкая, Н.А., Куликов, М.И. Подписка о невыезде и надлежащем поведении: проблемы и пути совершенствования / Н.Е. Мерецкий, Н.А. Мерецкая, М.И. Куликов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2017. – № 1 (38). – С. 23-28.
50. Митричев, С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений / С.П. Митричев. – М, 1973. – 392 с.
51. Михайлов, В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе / В.А. Михайлов. – М.: Право и Закон, 1996. – 117 с.
52. Мороз, А.В. Понятие «материальные» следы преступления / А.В. Мороз // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 261-264.
53. Николук, В.В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? / В.В. Николук // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 43-51.
54. Невский, С.А., Иванова, Е.А. Основания избрания мер пресечения: требования закона их практическое воплощение / С.А. Невский, Е.А. Иванова // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 2. – С. 351-359.
55. Орлов, Ю.К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе / Ю.К. Орлов // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4 (5). – С. 192-198.
56. Парфенова, М.В. Выбор меры пресечения как фактор, влияющий на обеспечение прав подозреваемого и обвиняемого / М.В. Парфенова // Российская юстиция. – 2015. – № 3. – С. 31-34.
57. Петрухин, И.Л. Меры пресечения // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / И. Л. Петрухин. – М., 2010. – 661 с.
58. Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М., 1989. – 256 с.

59. Пинчук, Л.В., Ахмедов, Р.В. Совершенствование подписки о невыезде и надлежащем поведении / Л.В. Пинчук, Р.В. Ахмедов // Досудебное производство в уголовном процессе: проблемы теории и практики Рязань. – 2014. – № 6. – С. 20-27.
60. Плоткина, Ю.Б. К вопросу о сущности и целях мер пресечения / Ю.Б. Плоткина // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 7. – С. 192-194.
61. Родионова, Ю.В. Изосимов, В.С. К вопросу о законодательном регулировании применения меры пресечения / Ю.В. Родионова, В.С. Изосимов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 166-168.
62. Савгирова, Н.М. Меры пресечения, иные меры процессуального принуждения / Н. М. Савгирова. – М., 1960. – 228 с.
63. Савельев, Ю.Ю. Институт мер пресечения по Уставу уголовного судопроизводства Российской Империи и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) / Ю.Ю. Савельев // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 3. – С.159-161.
64. Скабелин, С.И. Совокупность данных, являющаяся достаточной для избрания меры пресечения в уголовном судопроизводстве/ С.И. Скабелин // Адвокат. – 2015. – № 11. – С. 37-40.
65. Старилов, Ю.Н. «Смутные понятия об идеалах» – основа формирования «неправового» государства / Ю.Н. Старилов // Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения ...: сб. избр. науч. трудов Воронежского государственного университета. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2010. – 640 с.
66. Стойко, Н.Г. Модель уголовного процесса как концептуальное выражение его осуществления на практике / Н.Г. Стойко // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 1. – С. 222-227.

67. Тимохин, Ю.А. Значение подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю / Ю. А Тимохин // Российский следователь. – 2012. – № 10. – С. 9-11.

68. Тропин, М.В. Заключение под стражу лиц, подлежащих экстрадиции / М.В. Тропин // Российский следователь. – 2003. – № 3. - С. 13-15.

69. Трунов, И.Л., Трунова, Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе / И.Л. Трунов, Л.К. Трунова. – СПб., 2003. – 356 с.

70. Тутынин, И.Б. Виды нарушений, влекущие применение денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения / И.Б. Тутынин // Российская юстиция. – 2017. – № 6. – С. 56-60.

71. Удовиченко, В.С. Актуальные проблемы применения подписки о невыезде и надлежащем поведении в современном уголовном процессе / В.С. Удовиченко // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2013. – № 2 (25). – С. 34-36.

72. Хапаев, И.М. Общие и специальные условия избрания меры пресечения в виде заключения под стражу / И.М. Хапаев // Юристъ – правовец. – 2014. – № 2. – С.85-88.

73. Цоколова, О.И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности / О.И. Цоколова // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 1. – С. 6-9.

74. Червоткин, А.С. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ о применении заключения под стражу, домашнего ареста залога / А.С. Червоткин // Уголовный процесс. – 2014. – № 2. – С. 4–11.

75. Чернова, С.С. Применение мер пресечения на стадии предварительного расследования: учебно-практическое пособие / С.С. Чернова. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2014. – 61 с.

76. Чистякова, В.С. Законность и обоснованность применения мер уголовно-процессуального принуждения / В. С. Чистякова. – М, 1978. – 63 с.

77. Якимович, Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т. В. Трубникова / под ред. М. К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 168 с.

78. Якимович, Ю.К. Проверка приговоров и иных судебных решений по уголовным делам судом второй и надзорной инстанции / Ю.К. Якимович. – Томск: Том. ун-т, 2005. – 285 с.

79. Ярцев, Р.В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере мер пресечения: реалии и тенденции / Р.В. Ярцев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 3 (122). – С. 170-184.

Материалы конференций

1. Зинатуллин, Т.З. Проблема истины в свете предназначения уголовного процесса / Т.З. Зинатуллин // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В.А. Киселевой. Челябинск, 2002. Ч. 3. – С. 43-49.

2. Оганесова, Н.Ш. Основания и цели применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ / Н.Ш. Оганесова // В сборнике: Традиционная и инновационная наука: истории, современное состояние, перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 215-219.

Судебная практика

1. Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 66-О-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – М., 2018. – Режим доступа: www.consultant.ru/

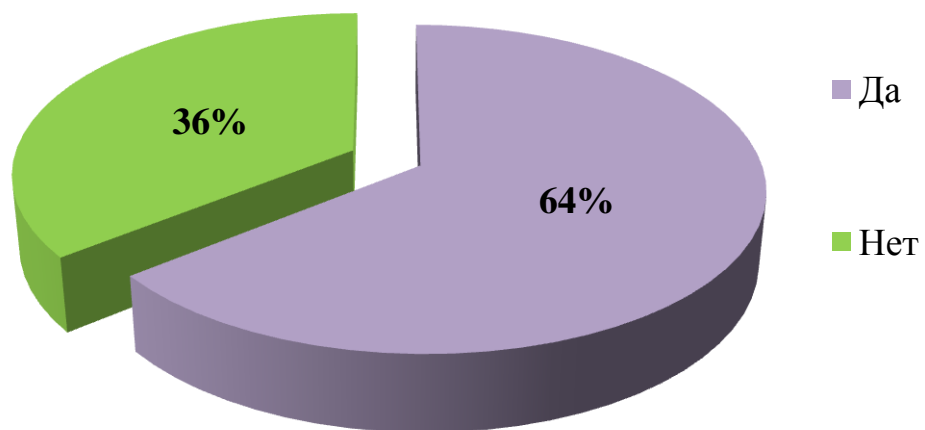
2. Определение Конституционного суда РФ от 22 января 2014 г. N 27-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – М., 2018. – Режим доступа: www.consultant.ru/

3. Постановления ЕСПЧ от 26 июня 1991 года по делу «Летеллье против Франции» (жалоба № 12369/86); от 05.02.2007 года по делу «Белевицкий против Российской Федерации» (Жалоба № 72967/01); от 24.05.2007 года по делу «Игнатов против Российской Федерации» (Жалоба № 27193/02); от 26.01.1993 по делу «W. против Швейцарии»; от 06.12.2007 года по делу «Линд против Российской Федерации»; от 24.05.2007 года по делу «Пшевечерский против Российской Федерации» и др.; от 08 ноября 2005 года по делу «Худоеров против Российской Федерации» (жалоба № 6847/02) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – М., 2018. – Режим доступа: www.consultant.ru/

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (ред. от 24.05.2016) // Российская газета. – 27.12.2013. – N 294.

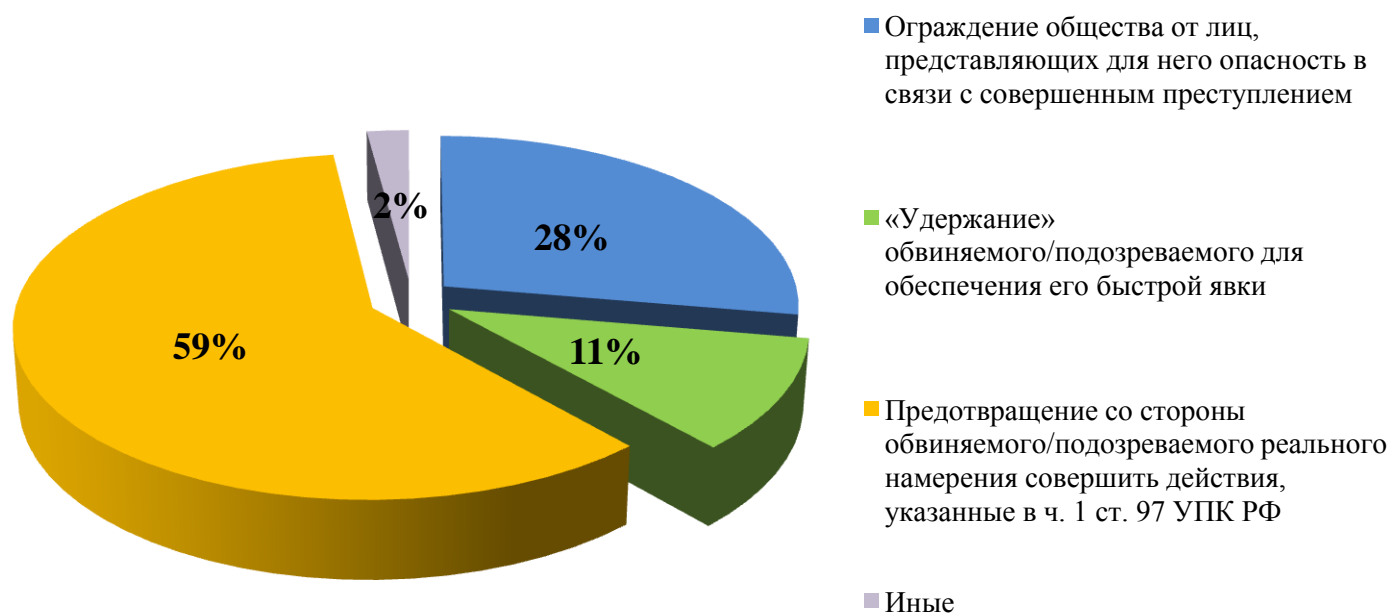
ПРИЛОЖЕНИЕ А

**Закрепляет ли законодатель в УПК РФ цели
избрания меры пресечения?**

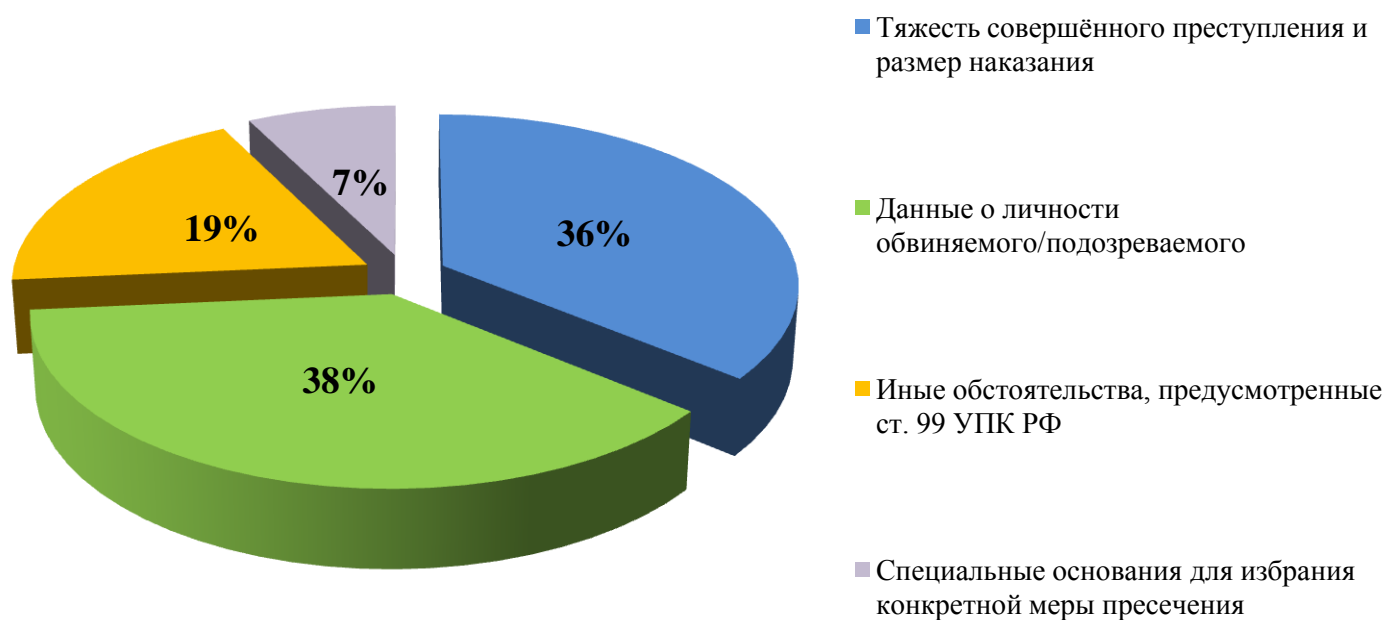
ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Какие реализуются цели при избрании меры пресечения?

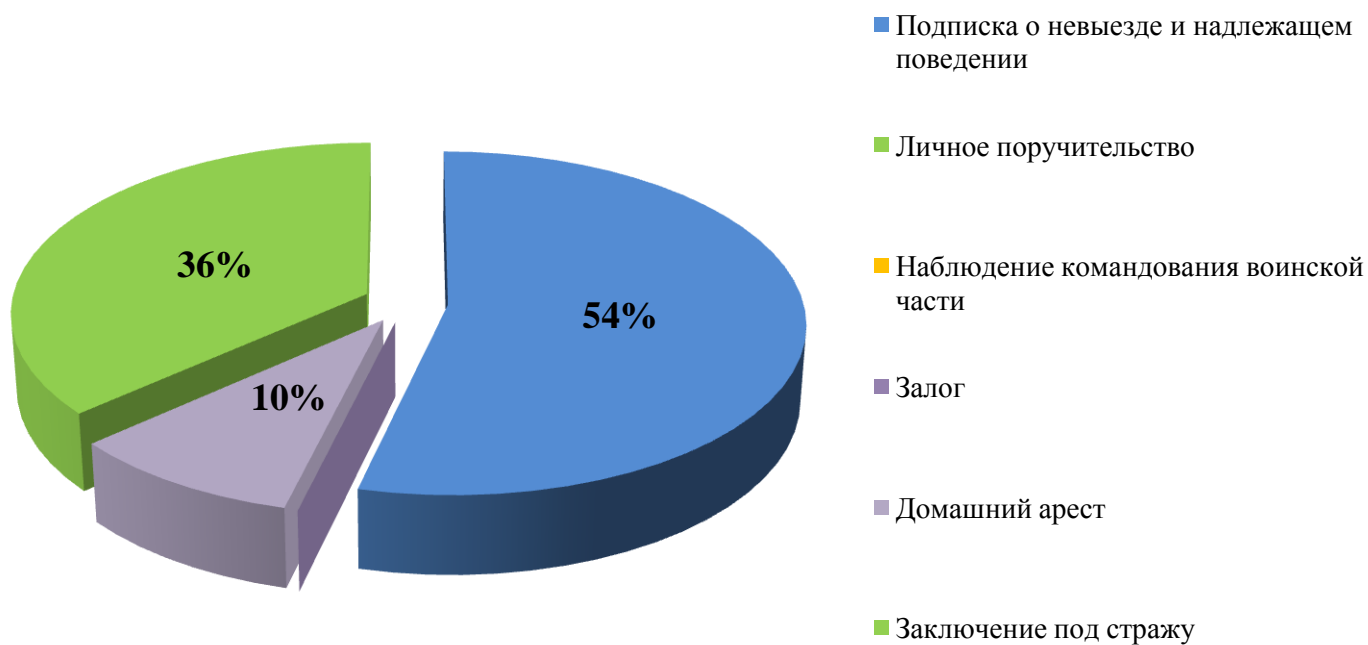
ПРИЛОЖЕНИЕ В

Что является основополагающим при избрании конкретной мерой пресечения?

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Какие из представленных мер пресечения являются наиболее часто избираемыми?

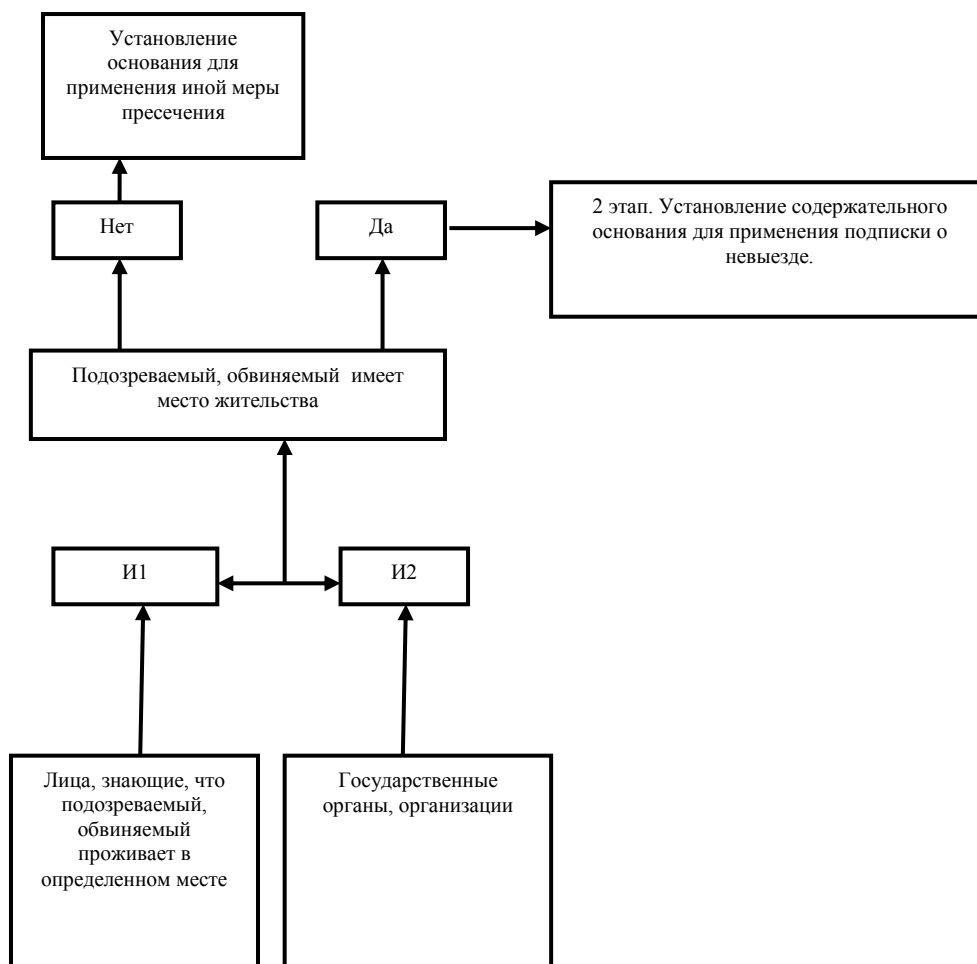

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

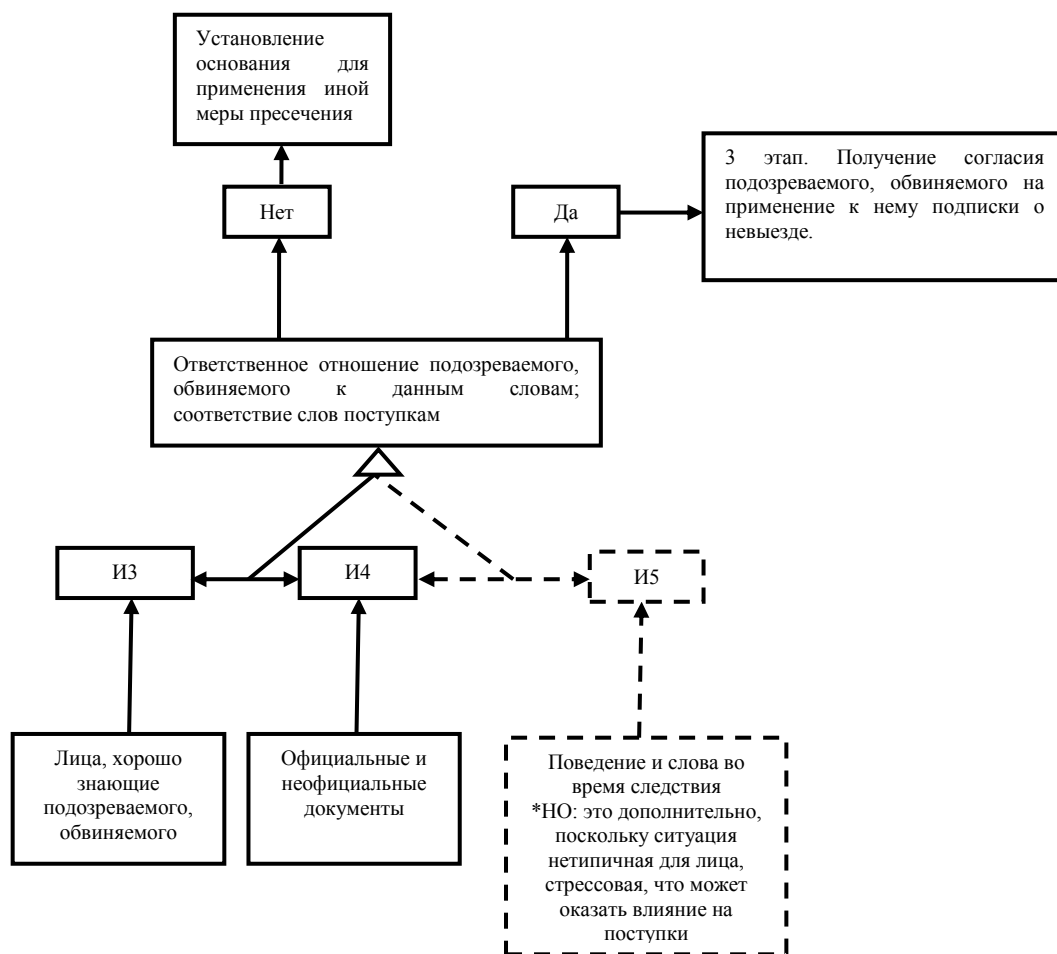
Схема 1.1. Установление формального основания для применения подписки о невыезде.

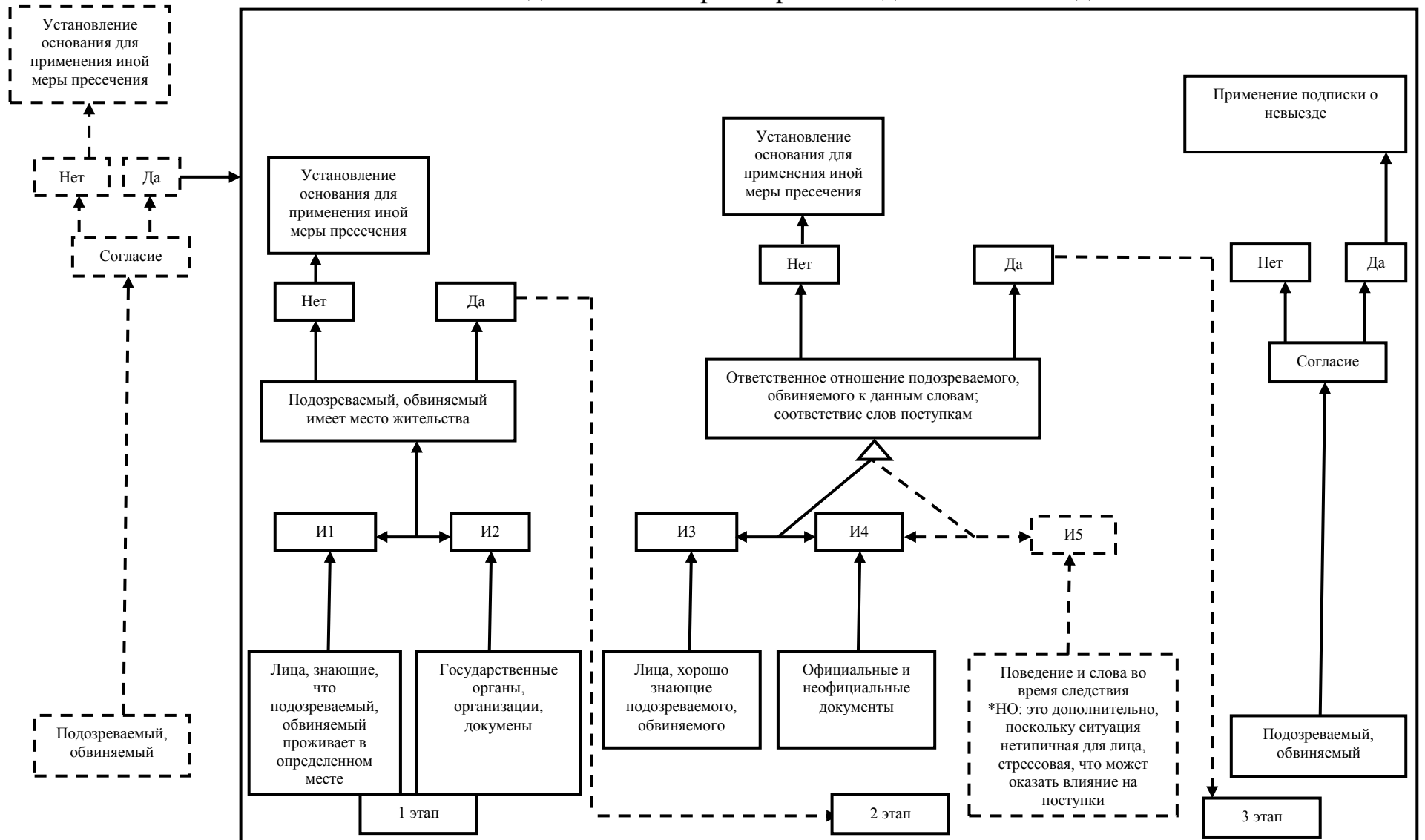
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Схема 1.2. Установление содержательного основания для применения подписки о невыезде.

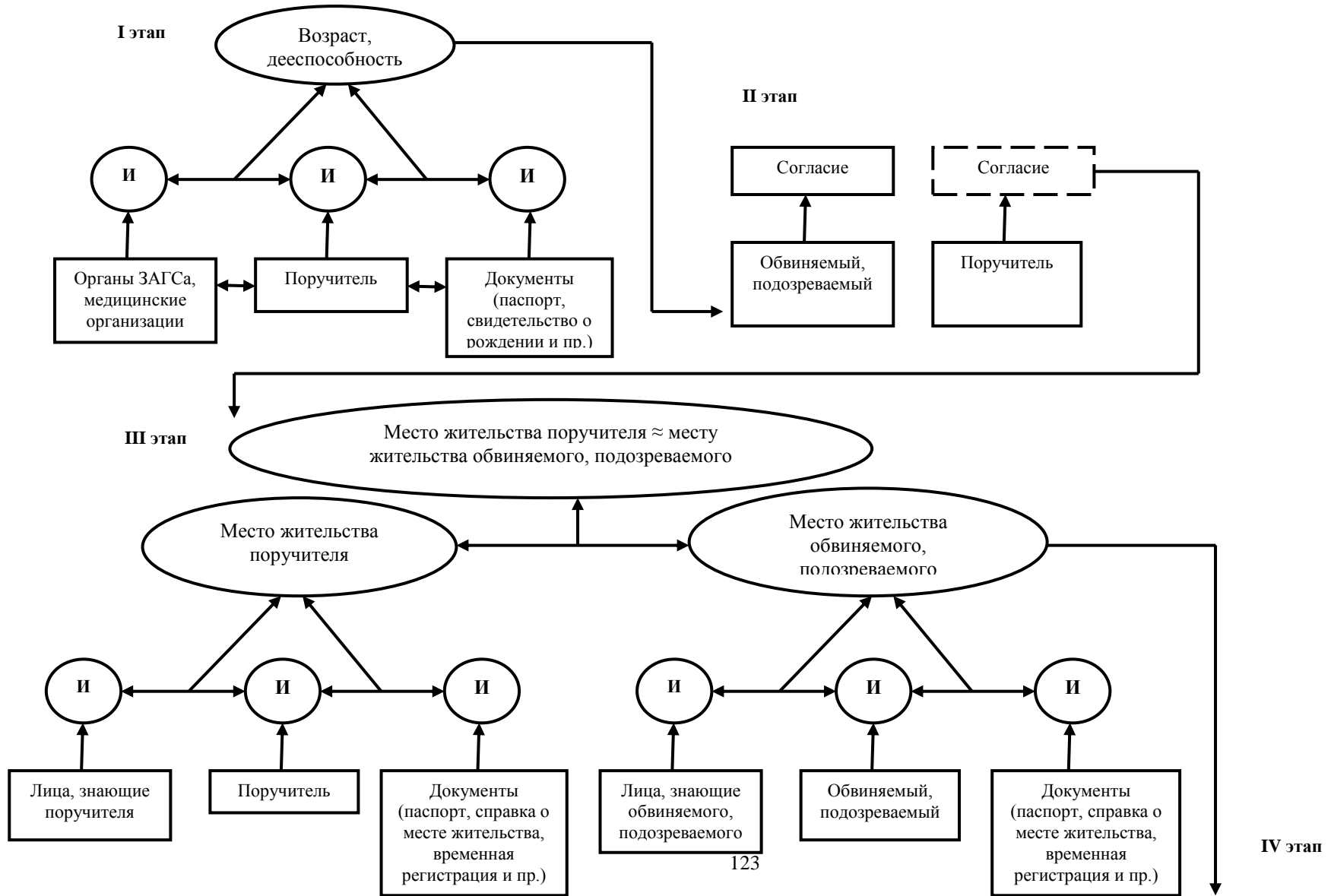
ПРИЛОЖЕНИЕ И

Схема 1. Схема доказывания при избрании подписки о невыезде

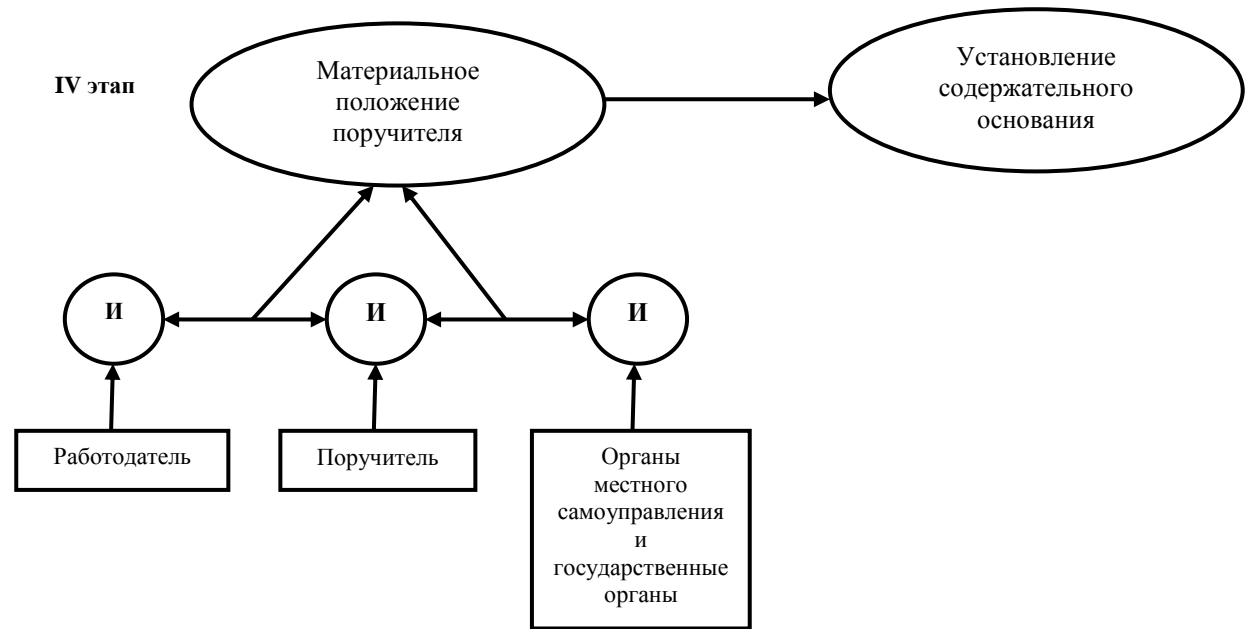
ПРИЛОЖЕНИЕ К

Схема 2.1. Установление формальных оснований для избрания личного поручительства

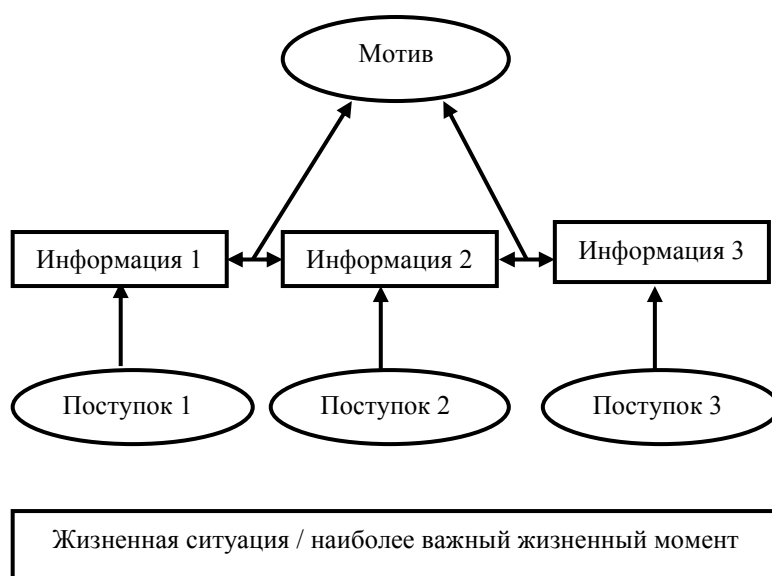
Окончание приложения К

Схема 2.1. Установление формальных оснований для избрания личного поручительства

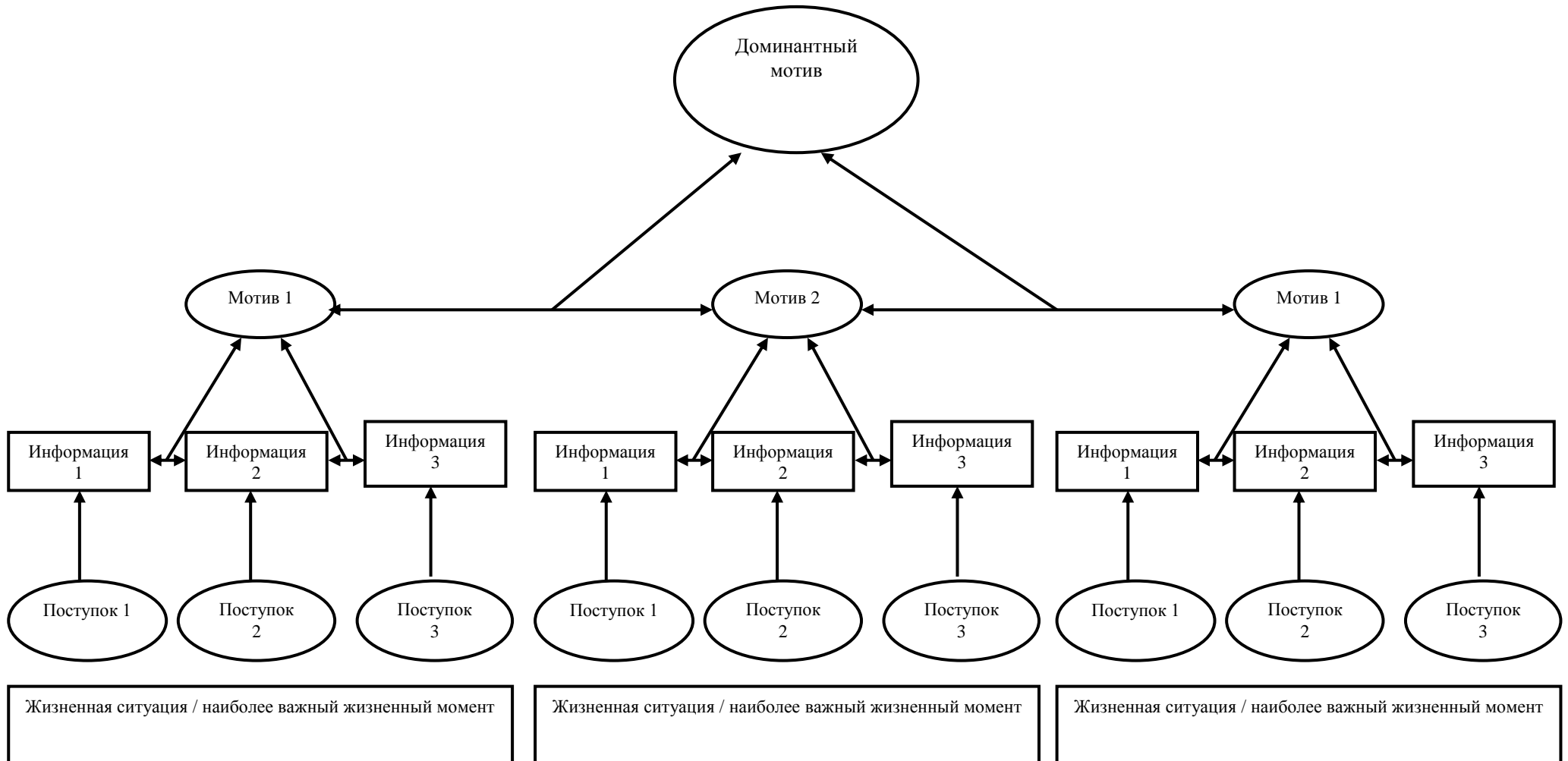
ПРИЛОЖЕНИЕ Л

Схема 2.2. Установление мотива поведения

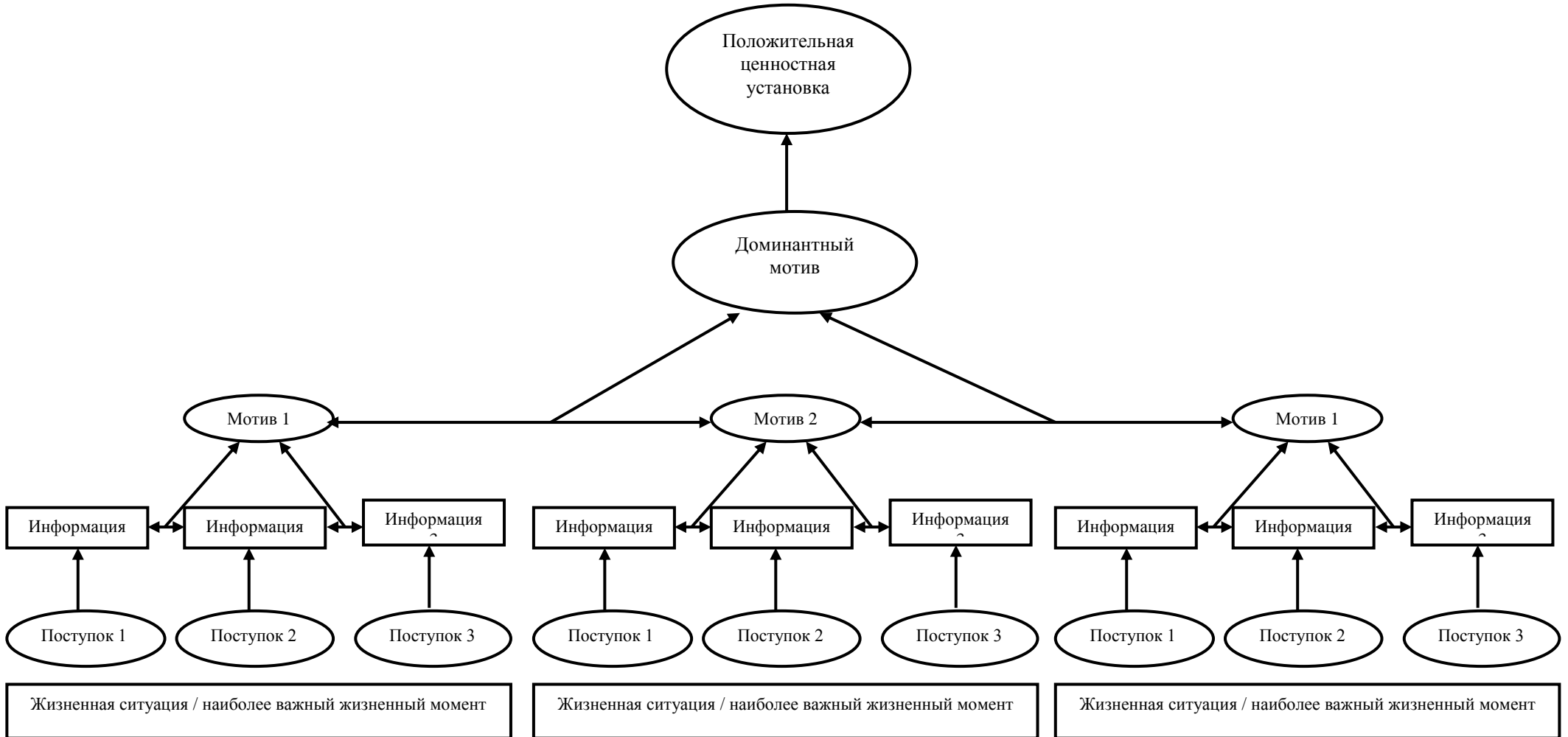
ПРИЛОЖЕНИЕ М

Схема 2.3. Установление доминантного мотива

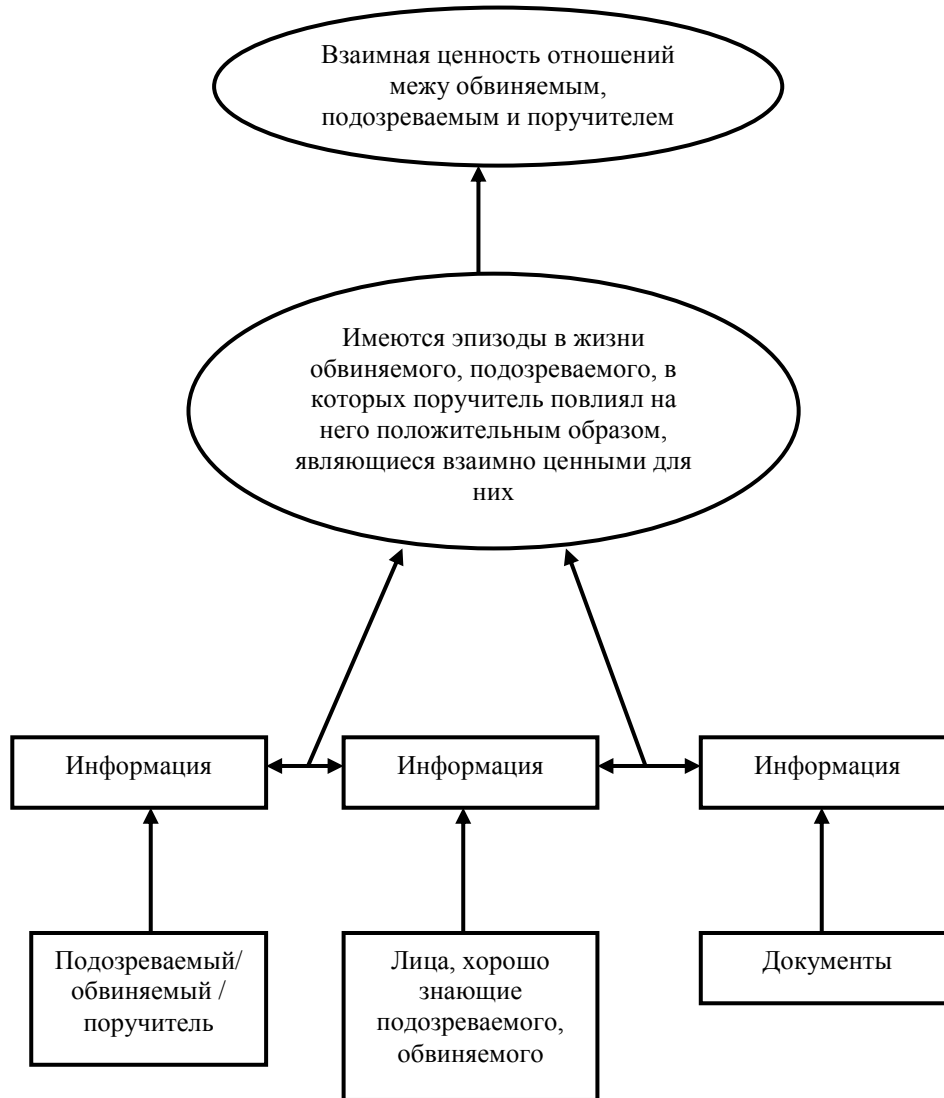
ПРИЛОЖЕНИЕ Н

Схема 2.4. Установление ценностной установки

ПРИЛОЖЕНИЕ П

Схема 2.5. Установление положительного влияния поручителя и ценности отношений между поручителем и подозреваемым, обвиняемым

ПРИЛОЖЕНИЕ Р

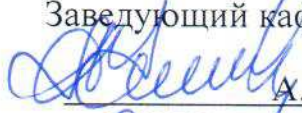
Схема 2.6. Основания избрания личного поручительства (кратко)

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Юридический институт
Кафедра уголовного процесса и криминалистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой

А.Д. Назаров
подпись инициалы, фамилия
«20» 06 2018г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

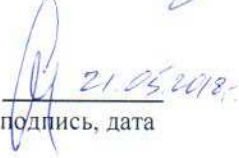
**Доказывание при выборе мер пресечения, избираемых по решению
следователя, на примере подписки о невыезде и личного поручительства**
тема

40.04.01 «Юриспруденция»
код и наименование направления

40.04.01.05 «Адвокат в судебном процессе»
код и наименование магистерской программы

Научный руководитель профессор, д-р юрид. наук А.С. Барабаш
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник Е.С. Подлегаева
подпись, дата инициалы, фамилия

Рецензент 21.06.2018г. федеральный судья Н.А. Штей
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Красноярск 2018